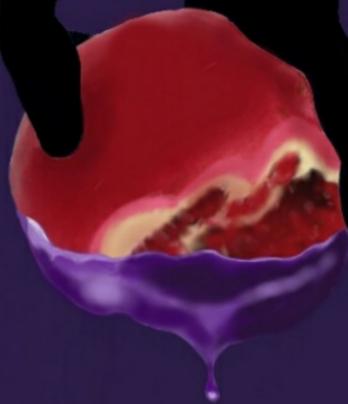

Переливы
тёмно-фиолетовой
гущи

Нина Лун

18+

Нина Лун

Переливы тёмно-фиолетовой души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36301849

SelfPub; 2018

Аннотация

Какого цвета наша душа? Даже заглянув в глаза, не всегда можно увидеть настоящую сущность человека. А что если это глаза демона – опасные, пленительные, обладающие властью над сердцем девушки? Молодой художнице ничего не остаётся, как каждый день мириться со своенравным демоном, пообещавшим спасти её и жизни родных ей людей. Но способен ли защитить тот, кто сам является угрозой и жаждет того же, что и другие демоны? Чтобы найти спасение приходится отправиться туда, где не место человеку. Несмотря на боль и страх, необходимо прощать и не бояться погрузиться глубже в бездну, где мрак и одиночество, чтобы увидеть истинный цвет глаз.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

180

Глава 1. Слишком серо, чтобы жить

Мелодия красок так и выпрыгивает из стеклянной витрины и просится в руки. Не могу устоять перед искушением и не купить новый и драгоценный, как и все предыдущие, сундучок с сокровищами – упаковку цветных карандашей. Мне необходимо для счастья лишь две составляющие: листок бумаги – бесконечное пространство фантазий, и карандаши – воля, воплощающая мечты в жизнь.

– Ио, вот ты где! Опять зависишь в этом магазинчике.

– А я смотрю, ты уже опустошила пару десятков бутиков. – Улыбаюсь во всю, нисколько не сдерживая ехидства.

– Каждый купил, что хотел.

– Вот здесь я с тобой полностью согласна.

Мы обе посмеявшись, и довольные нашими выполненными задачами, взяв друг друга под руки, направляемся отмечать сдачу моего проекта и удачное окончание третьего курса в художественной академии.

Пока я решаю, какой напиток заказать к чизкейку, моя сестра уже строит глазки молодому и симпатичному официанту, а он не прочь пофлиртовать и всяческими приёмами старается привлечь её внимание.

– Чашку холодного чёрного чая, пожалуйста. И можно побыстрее, мы торопимся.

Официант в форме тусклого цвета вежливо улыбается, чиркая у себя в блокноте, но выглядит немного раздражённым, так как его отвлекли от милой беседы.

– Но нам же никуда не нужно идти. – Заметив мою ухмылку, Ита недовольно цыкает. – Вечно ты так! Твоя забота как всегда чересчур. Между прочим, ты могла бы быть немножко повежливее и просто приветливо ему улыбнуться. Он же как раз твоего возраста и, похоже, что тоже студент. Когда он вернётся, познакомься с ним.

– Это по твоей части, – отрезаю я и отворачиваюсь к окну. Да, я беспокоюсь за сестру, ей всего шестнадцать лет, а она только и думает о свиданиях, а может быть во всём виноваты гормоны. Но у неё большие зелёные глаза, ну точно как у колдуньи, светлые и ухоженные волосы, стройная и изящная фигура, и этой естественной красоты и природного очарования у неё не отнять. Она красива, мила и светится жизнью, и ни одно из этих качеств я не могу отнести к себе. Но дело не только в том, что я не так привлекательна, просто для меня этот мир выглядит как серое полотно, и я не могу разглядеть в нём разноцветные тона. И видимо это и отталкивает людей от меня, а парней так тем более. Ещё в школьные времена, я влюблялась, как и все нормальные девочки, но никогда не чувствовала взаимной симпатии. А сейчас я как будто перестала верить, что что-то может получиться и поняла, что мужчин я не интересую как женщина. Все женские чары достались моей сестре, и поэтому она встречается с парнями за нас двоих.

– Спасибо. – Звонкий, но приятный голос Иты уводит меня от размышлений.

Я собиралась тоже поблагодарить сотрудника этого небольшого уютного в современном стиле кафе за его труд, но его обходительность сосредотачивается исключительно на кокетливой блондинке, и я понимаю, что он намеренно игнорирует меня. Поставив воздушное пирожное и стакан апельсинового сока для сестры, а затем чизкейк и чашку чая для меня, он желает приятного аппетита, и я всё ещё хочу проявить вежливость, но он мгновенно ускользает к другим столикам. Сестра сердито качает головой.

Охлаждённый чизкейк с черникой и клюквой мог бы быть намного вкуснее, если бы не досадное чувство отстранения. Я не от мира сего, определённо. А сестра часто называет меня странной, но это любя, ведь именно она не даёт мне впасть в уныние и замыкаться в себе. Она всегда открыта и доверяет мне все тайны своего молодого и хрупкого сердца. Единственное, что я не часто отвечаю ей тем же.

День только начался и идти домой не хочется, тем более ясным тёплым солнечным днём. И мы решаем не торопясь прогуляться и уже отошли от кафе, как Ита вдруг взвизгивает.

– Ой!

– Что случилось? – стараюсь сделать тон мягче, когда вижу, как она невинно хлопает глазами.

– Я оставила сумку с новыми вещами в кафе.

Я закатываю глаза: так и знала.

– Пойдём обратно. – Я уже развернулась и жду от сестры

того же.

– Посмотри на каких я каблуках! – Она приподнимает ногу, демонстрируя мне открытые туфли на высоченных каблуках. – У меня и так уже ноги отваливаются, и если пойду назад, то до дома тебе придётся тащить меня на себе.

– Я знаю, ты меня специально выводишь. – Угрожающе говорю я, но не могу устоять и уже в пути кричу ей. – Подожди меня здесь.

Я широкими шагами лечу по направлению к кафе, благо кеды позволяют, и увидев вывеску с названием кафе «С возвращением», что очень даже в тему, увеличиваю скорость.

Захожу, немного тяжело дышать, но направляюсь к столу заказов и на полпути слышу радостный возглас.

– О, вы вернулись!

Я оборачиваюсь и вижу перед собой официанта, что обслуживал наш с сестрой столик. Он же крутит головой в надежде лицезреть другую девушку.

– Да, моя сестра недотёпа забыла здесь вещи.

Зачем я назвала сестру недотёпой? Чтобы понизить её в глазах этого незнакомого парня? Неужели я становлюсь, как и все женщины, немного стервой?

– Да-да, я сейчас их принесу. – Вежливо, но немного с досадой говорит официант, уходит и скрывается под высоким столом заказов.

Хотя нет, никакие слова о ней не смогут затмить её доброту и красоту.

Он быстро возвращается и протягивает пакет.

– Э-э, спасибо, – я неуверенно тяну руку к складной сумке с покупками.

– Не за что, – мило улыбается официант с короткими каштановыми волосами.

Я забираю пакет и стою смотрю на него. И что теперь, просто взять и убежать?

– Что-то ещё? Может, желаете заказать напиток с собой.

– Да, пожалуйста.

Зачем я согласилась?

– Воды без газа. – Быстро говорю я, что приходит первое в голову, заметив ожидающий взгляд.

– Сейчас, одну минуту.

Не проходит обещанного времени, как официант возвращается. Я стою уже наготове с приблизительной суммой и отдаю деньги.

– Подождите, сейчас принесу сдачу.

– Не нужно. И спасибо.

– Благодарю вас, – широко улыбается официант. – Всего доброго. Заходите ещё.

– Непременно, до свидания.

И я почти изящно вылетаю из кафе. Ну, вот же могу быть милой, когда захочу, и он мне приветливо улыбался. Может, я не так уж и безнадёжна. Настроение поднялось, но ненадолго. Иду туда, где оставила Иту, но не так быстро, как следует. Ничего страшного, подождёт.

Хоть и много зелени, и разнообразных цветов посажено по всему городу, мне всё равно чего-то не хватает. Становится тоскливо среди этих отягчающих и одинаковых зданий, людей порой довольно равнодушных и даже злых, блестящих снаружи, но опустошённых внутри. Иногда мне так хочется убежать, улететь от этого бесчувственного серого существования. Но как я могу оставить дорогих мне людей.

И вот я добираюсь до места, но Иты нигде не видно. Ну да, мы точно расстались здесь, и где она бродит? Через дорогу есть книжный магазин, возможно, она там. По сестре и не скажешь, что она много читает, и единственным её словам, которым не верят, это когда она убеждает, что любит книги. Уже нацеливаюсь переходить дорогу, как в голову приходит запоздалая мысль о том, что проще позвонить. Возвращаясь на прежнее место, отыскиваю телефон в рюкзаке и набираю номер Иты, жду ответа. Начинаю прислушиваться, когда между гудками прорезаются звуки весёлой песни. Они совсем рядом и доносятся из-за дома. Следуя за мелодией, я дохожу до проёма между зданиями, образующими туннель, и вижу сестру и нависшего над ней мужчину. Ита и так небольшого роста, а с широкоплечим и высоким мужчиной она выглядит совсем миниатюрной. Он выставил руку вперёд и упирается ею в кирпичную стену, преграждая путь девушке, но, похоже, что она вовсе не против его общества.

– Харита, ты что делаешь? – я начинаю медленно подходит.

Но она не обращает на меня никого внимания, а смотрит на взрослого мужчину и, прижавшись к стене, податливо внимает его речам. Он явно намного старше моих двадцати лет, и уж тем более превышает года подростка. Я повышаю громкость и настойчивость голоса:

– Я же просила ждать меня!

Тогда мужчина поворачивает голову в мою сторону, и от его пристального взгляда становится не по себе.

– Харита, ты знаешь его?

Но, кажется, Ита оборачивается не на мой вопрос, а хочет узнать, почему на неё больше не обращено мужское внимание.

– Ио? – она удивленно смотрит на меня. – Что случилось?

– Это я у тебя хочу спросить!

Ита легко проскальзывает под мощной рукой и бежит ко мне.

– Я ждала тебя. Почему так долго? Пойдем, я покажу тебе серёжки, которые мне приглянулись. – Как ни в чём не бывало рассказывает Ита, забирает сумки с вещами и воодушевлённо скрывается из переулка.

Я растерянно стою и не улавливаю происходящего.

– Ладно, ты тоже сойдёшь.

Я поворачиваюсь, а в метре от меня уже образовалось препятствие. Он красив, не спорю. Волосы золотисты и аккуратно уложены на правую сторону, глаза опустошённого серого цвета, а строгий костюм совсем не сочетается с его поведе-

нием. Но как можно так быстро увлечься и поддаваться на слова незнакомого человека? Он делает шаг, и я едва достаю ему до плеч.

Я даже не отхожу – я отпрыгиваю.

– Вам должно быть стыдно! Заманиваете девушек, пристаёте к ним и даже не знаете, сколько им лет!

Сама не верю собственным словам: таким властным людям стыдно не бывает, а то, что он именно такой видно сразу.

Мужчина смотрит на меня не отрываясь, а его улыбка настолько слащавая, что мне окончательно становится противно, и я быстрыми шагами начинаю двигаться к главной улице.

– Не спеши. – Спокойно приказывает он. – Ты мне должна заплатить за то, что моя добыча убежала.

Добыча?

– Что Вы сказали? – я быстро возвращаюсь и с трудом сдерживаю желание врезать ему рукой или ногой. – Вы мерзкий, вульгарный тип! Никогда не смейте даже приближаться к девушкам с такими гнусными намерениями!

Я должна была сказать это, пусть даже звучит глупо. И вдобавок это развеселило его. Я перебарываю злость, и ноги быстро уносят от него.

Чёрт, он хватает меня, его рука крепко держит мою, и мне никак не вырваться. Какой же он сильный, а Ита такая хрупкая, что уже бы рассыпалась на части, как цветок скованный льдом. И тут в голове рисуется картина, как эти омерзитель-

ные лапы хватают мою сестру. Злость захлёстывает меня, а зрелище, созданное воображением, придаёт мне сил. Я разворачиваюсь и замахваюсь правой рукой сжатой в кулак. Но он ловит мой удар, и теперь я не могу пошевелить обеими руками, и вдобавок ещё рюкзак падает с плеча и перевешивает правую сторону. Он с таким удовольствием наблюдает за моими тщетными попытками, что его морда захлёбывается в улыбке.

Пора внедрять в бой более тяжёлую артиллерию – удар ноги прямо в пах. Я уже нацеливаюсь на удар, как мерзкий тип вдруг громко вдыхает, бросает мои руки, начинает кашлять и будто задыхаться. Он падает на колени, дрожь перерастает в тряску, сдавленный крик вырывается из его груди.

Это мой шанс! Я уношу ноги, но мысли о том, что у него приступ и вдруг ему необходима помощь, заставляют меня сбавлять темп. А может это вовсе ловушка, но он так естественно корчился от боли, и тем более я уже была почти в безвыходном положении, ему незачем было меня отпускать. Я останавливаюсь и хочу повернуться, но рука вдруг дико загорается ужасной болью. Я вскрикиваю, смотрю на правую руку, а она вся обвита колючим стеблем, который впился мне во всё предплечье. Я стараюсь сорвать растение, и с каждым моим рывком, шипы словно входят ещё глубже. Но у меня всё же выходит оторвать стебель, и я в ужасе бросаю его на землю. Откуда оно взялось? Как же больно! Зажимая левой рукой раны в правом предплечье, я смотрю на стебель, и оно

на глазах засыхает и чуть ли не исчезает полностью. Я оборачиваюсь, узнать, что же с мерзким типом, а он тоже испаряется с места нападения. Пока я возилась с растением, он успевает удрать. Раз сумел подняться на ноги, да ещё убежать, значит, сможет сам о себе позаботиться.

– Ну, ты где?

Я оборачиваюсь, а Ита стоит в недовольной позе, поставив руки в бока. Медленно иду к ней, ещё раз бросив взгляд на колючий стебель, подбираю рюкзак, что свалился одновременно с мужиком. Ита меняется в лице, когда замечает мою гримасу боли.

– Что произошло? – она пытается оторвать мою руку, чтобы посмотреть, что я скрываю.

– Не знаю, это было довольно странно.

Я показываю ей руку. Там лишь несколько следов в виде глубоких небольших порезов.

– Что это? – Ита длинными ногтями подцепляет оставшийся шип, который я не заметила.

– Ай!

– Прости. Мерзость какая! – она недолго рассматривает кусочек растения и с отвращением кидает на асфальт.

– Почему ты пошла с ним? – застаю я вопросом сестру врасплох.

– С кем?

И вот опять это невинное выражение лица, но сейчас оно действительно пронизано непониманием.

– Мужчина, светловолосый, в пиджаке, высокий такой, – я вытягиваю руку вверх, насколько только могу.

Она, наверное, прикалывается надо мной или может, не хочет говорить об этом, надеюсь, ей всё-таки стыдно за своё поведение.

– Странная ты, – Ита опасно улыбается, глядя на меня. – Пойдём-ка домой. – Она берёт меня за здоровую руку и уводит из этого злополучного переулка.

– Иоланта, опять умудрилась куда-то свалиться? – мама вздыхает и бежит за аптечкой.

– Да, в кусты.

– В кусты? – кричит мама из другой комнаты, а вернувшись, продолжает. – Я даже не буду спрашивать как.

Мы с сестрой решили ничего не рассказывать, потому что Ита до сих пор не признаётся, что обжималась с незнакомцем в подворотне, и во избежание недопонимания решили оставить этот случай между нами.

Мама быстро справляется со своей привычной работой – обработкой моих ран, и внятных объяснений так от нас и не дожидается. Умение Иты заговаривать зубы редко действует на маму, но в этот раз она была слишком взволнована, чтобы заметит нашу уловку.

Вечер за разговорами и делами наступает быстро. Овощное рагу получилось очень вкусное, то ли от того что все участвовали в приготовлении, то ли это из-за стресса я ис-

пытывала нестерпимый голод.

Половину следующего дня я пребываю в постели, отсыпаясь за весь семестр. Остальная часть дня пролетает в поисках работы, причем, не выходя из дома. Интернет – хорошая штука, если знать меру. Но ни одна вакансия не подходит, везде требуется опыт работы и законченное высшее образование, даже на временную работу высокие требования. И как, скажите мне на милость, получить опыт работы, если никто не берёт без опыта работы? Замкнутый круг какой-то. Даже Ита работает в небольшой компании уже почти месяц, вися на телефоне и предлагая людям подключить различные теле услуги, но такая работа не для меня.

Я окончательно расстраиваюсь и сажусь рисовать. Хоть так я могу быть счастливой, просто занимаясь любимым делом. Свобода – вот что я чувствую, когда рисую. То, что не в силах сделать в реальной жизни, я могу воплотить на бумаге, рассказывая свои мысли, идеи, чувства. День проходит для меня не зря, если я рисую.

Но ночь становится мучительна, постоянно мне что-то не даёт покоя. Я просыпаюсь каждые полчаса, но это не рука меня беспокоит, она на удивление быстро заживает. Снятся чьи-то прикосновения, кто-то хватает меня во сне, и это заставляет вздрагивать и просыпаться. Надеюсь, хоть день будет удачным.

Глава 2. Лиловые терзания

Ну и где она? Мы же договорились встретиться около её

работы, но как мне сообщила довольно скверного характера худощавая женщина из офиса, Ита ушла с работы пораньше. Как она может работать в таком коллективе, если я уже с порога почувствовала угнетающую атмосферу.

И это надо было постараться, чтобы забыть дома мобильный телефон, хотя обычно она не расстаётся с ним ни на секунду. Если бы я знала, что так получится, продолжила бы искать работу, а сегодня воскресенье – короткий или вообще нерабочий день, я уже ничего не успею сделать. Сокращу, пожалуй, путь, чтобы поскорее добраться до дома и навалить подзатыльников сестре.

Выхожу на тропинку, идущую вдоль высокого откоса, и наслаждаюсь этим уголком природы: деревья, разрослись перед окнами, отводя дома на второй план, а вокруг открывается просторный вид, созданный свежей насыщенной зелёным травой и кусочками ярких летних цветов. Но сегодня над этой красотой нависли угрюмые тучи, и она изо всех сил старается не блекнуть под натиском серости.

Я выставляю вперёд руку, проверить, точно ли начинается дождь. Редкие капли быстро сменяются несущимися к земле крупными частицами воды, становясь одним потоком. Как некстати дождь. Благо зонт взяла с собой, хотя обычно, когда он при мне, то как оберег от смурых и плачущих туч.

– Ай! – Невольно кидаю я сквозь зубы, когда встаю в мокрую траву, обходя уже успевшую наполниться водой ямку.

Ну вот, теперь правая нога сырая, и даже любимые кеды

не спасают. Может, не надо было идти по короткому пути. Когда увижу сестру – прибью!

Ветер дует мне навстречу, захватывая за собой капли дождя, и зонтик пришлось опустить так, что теперь он загораживает мне весь обзор. Я иду слишком быстро и не замечаю, куда ступаю.

Я запинаюсь, но на удивление не падаю. И когда вновь хочу стартовать, вижу перед собой пару тёмных кожаных сапог. Невольно вздрагиваю. Нужно посмотреть на того, кто додумался в сапогах ходить летом. Однако в нынешнюю погоду это не кажется такой уж неудачной идеей.

Я приподнимаю зонт, но сапоги вдруг исчезают. И не оттого, что этот одетый не по сезону человек делает шаг, а просто исчезают, испаряются в воздухе. Я быстро моргаю несколько раз, наверное, хочу привести зрение в норму от того, что мне почудилось. Я стою и держу над собой зонт строго вертикально, но никого действительно нет. Поворачиваю корпус вправо, затем влево. И тут чувствую, как зонт резко выскользывает из моей руки и отлетает в сторону, падает справа от меня на траву и валяется раскрытым, укрывая от дождя небольшую горстку цветов.

Но моё недоумение заканчивается внезапно. Я ощущаю удар, причём спиной и головой. Боль отдаёт в виски, и я не сразу понимаю, что лежу на мокрой земле, но зато холод помогает быстрее прийти в себя.

Тяжело. Что это? На меня кто-то навалился! Я в панике

ищу спасение, но вижу только серое небо, из которого градом льётся вода и попадает в глаза, и всё что я могу делать – это беспомощно моргать. Не могу повернуть голову, а кричать тем более. Большая рука крепко закрывает рот, сжимая челюсти так, что больше хочется кричать от боли, а не звать на помощь. Ноги будто онемели, их прижали к земле так, что я в силах пошевелить только самым дальним отделом конечностей – стопой. Руки! Я не могу двигать своими руками! Они над головой и прижаты к земле, и они словно связаны. Я пытаюсь расцепить запястья, но тут же чувствую, как их ещё сильнее стягивают. Но когда это их успели связать верёвкой?

Господи, он такой тяжёлый. Чёртов маньяк!

Первые секунды дезориентации проходят, я пытаюсь выкрутиться. Но чем сильнее я начинаю дёргаться, тем плотнее меня прижимают к земле. Вся спина мокрая, всё сырое, но вот сверху так тепло, даже жарко. Краем глаза я замечаю что-то чёрное слева от меня, а когда щеке становится щекотно, я понимаю, что это волосы спадают с его головы.

Мне страшно, и я ничего не могу сделать! Я зажмуриваю глаза в надежде, что всё это исчезнет, и когда я включу свет, то все монстры разбегутся.

Я замираю. От подбородка по щеке и до самого виска движется тёплое и влажное.

А-А-А! Он ещё и извращенец! Он облизывает меня!!!

Я снова начинаю выворачиваться, вместо крика мычать и слышу его выдох с усмешкой. Теперь я начинаю злиться из-

за того, что он наслаждается этим.

Я с трудом могу дышать: мой нос может вдыхать лишь только одной половинкой, а на грудную клетку надавили всем весом. Видимо заметив мои попытки сделать глубокий вдох, маньяк приспускает руку с лица. Я втягиваю воздух всей мощностью своих дыхательных путей. Свежий аромат влажной травы заполняет мои лёгкие, но вместе с тем другой запах впивается мне в нос. Отдаёт металлом и, кажется, кровью. Становится совсем не по себе. Паника вновь обурекает мозг. Теперь я дышу ещё чаще, громче и глубже.

Его лицо по-прежнему слева, и я не могу ничего разглядеть. Я чувствую, как приподнимается его грудь. Он тоже стал глубже дышать. Кажется, он нюхает меня. Ужас! Я не могу больше!

Я вздрагиваю. Его свободная правая рука впивается в моё бедро. Его пальцы поднимаются всё выше, а сжимают ещё сильнее. Его хватка обжигает мою обнажённую ногу.

Надо было надеть штаны, а не шорты, да ещё и короткие. Как я могу думать о таких мелочах в угрожающей моей чести ситуации? Соображай лучше как выбраться!

Ноге теперь не так жарко, джинсовая ткань хоть как-то отгораживает меня от его лап. О нет, его рука теперь движется к животу. Пальцы хватаются за край рубашки и начинают медленно задираť её вверх, а потом и вовсе проникать под тонкий слой одежды.

Похоже, он совсем не торопится и даже не беспокоится,

что его могут застукать. Хотя разве сейчас кто-то кинется на помощь.

Ой! Совсем горячо, живот словно расплавляется под его ладонью!

Рывок. И слышу звон. Это металлическая пуговица оторвалась от ткани, и теперь ничего не мешает ему сделать отвратительные вещи.

– М-м-м.

Его голос звучит насмешливо и похотливо. К горлу подкатывает отвращение.

«Нет! Нет, не смей!» – Кричу я, а наружу вырывается лишь нечёткое мычание.

Отпусти! Не надо!

Не оставляя попыток освободиться, я вдруг чувствую лёгкость, а руки и ноги распадаются в разные стороны. Ещё мгновение я лежу, распластавшись на помятой лужайке. Но услышав хриплое дыхание неподалёку от себя, резко поднимаю корпус, опираясь на руки и поджимая ноги.

Стоя на коленях, он почти припал к земле. Левая рука упирается в землю, видимо с трудом удерживая тело, а правая вцепляется в грудь, скомкав одежду в кулак. С шумом он хватает воздух, а из груди вдруг вырывается сдавленный крик, смешанный с рычанием.

Это заставляет моё сознание вернуться. Но я всё равно смотрю на корчившегося от боли человека перед собой и не могу прийти в себя. Лицо, которое закрывают чёрные мок-

рые волосы, начинает показываться. Страх охватывает меня вновь.

Что ты расселась? Беги!

Я даю себе мысленный толчок и вскакиваю с земли, преодолевая спазм мышц в ногах и остаток тяжести тела незнакомого человека. Я поскользываюсь и, чтобы не упасть, замираю и кидаю быстрый взгляд на маньяка, дабы не упустить его из виду. В мимолётном взоре я сталкиваюсь с его глазами. Эти глаза, цвета которого я прежде не встречала, впиваются хищной хваткой.

«Беги!» – повторяю я себе и выхожу из оцепенения.

Я бегу со всех ног и даже не знаю в сторону ли дома. Главное убежать подальше, а уже потом начать разбираться. Меня прошибает током, когда в голове всплывает взгляд этого извращенца. Хотя он и не очень похож на насильника, скорее ему больше подошла бы роль убийцы, причём, убивающим одним взглядом. Эти глаза... лишь их пугающий огонь я успела уловить из-под волос совершенно чёрных. Его глаза словно два сверкающих кристалла аметиста.

Я даже не заметила, как сбавила темп. Хоть я и тяжело дышу, но совсем не устала бежать. Почему я замедляю ход? Теперь я и вовсе иду. Я делаю ещё шаг и попадаю прямо в лужу. Почему мне хочется развернуться и бежать обратно? Он же извращенец, он лапал меня, и могло бы похлеще что случиться, ели бы он вдруг не отскочил и не стал мучиться от боли. Интересно, что с ним. Кажется, ситуация повторяется.

Я точно ненормальная, если испытываю сострадание к тому, кто только что чуть меня не... Ой, жуть! Но его глаза... в них было что-то ещё. Замешательство? Удивление? Боль? А вдруг у него сердечный приступ, и он может умереть. Надо вызвать скорую.

Я хватаюсь за задний карман шорт и обнаруживаю, что мобильника нет ни в одном кармане.

– Чёрт!

Наконец я вынимаю ногу из лужи и бегу туда, откуда лучше бы держаться подальше. Преодолевая пройденный путь, я начинаю вспоминать, что произошло несколько минут назад. Меня вновь охватывает дрожь. И надо бы плюнуть на мобильник, и подсознание кричит, надрываясь, что я дура и вообще не соображаю, что делаю. Но эти глаза...

Похоже это то самое место. Ну да, вон трава, что пострадала не меньше моего, и на которой отпечатались следы борьбы и унижения. Но ни маньяка, ни телефона нет. И даже зонт пропал, а дождь всё сильнее.

Поднимаюсь по ступенькам, меня всё ещё трясёт. Но теперь вдобавок и холодно. Конечно, быстрее было бы зайти в лифт и нажать кнопку, и через 10 секунд я уже на седьмом этаже. Но с детства я боюсь ездить одна. Не сказать, чтобы это была клаустрофобия. Но лучше я сто раз побегаю вверх-вниз, чем проеду в кабинке уносящего ужаса. Весь путь, что я бежала до дома, даёт о себе знать на пятом этаже, и но-

ги начинают деревенеть, а дыхание сбиваться под ломотой в груди. Наконец, я наступаю на последний подъём, и остаётся только пройти по правому коридору.

Хорошо, что я не взяла ключи, а то бы потеряла и их заодно. Дотрагиваюсь до головы, чтобы пригладить растрёпанные волосы, но оказывается, моя аккуратно заплетённая коса превратилась в бесформенное и взъерошенное образование. Быстро распускаю всё, что осталось от причёски и затягиваю тёмно-русые волосы в конский хвост потуже. Я нажимаю на дверной звонок и без сил опускаю голову. Смотрю на свои ноги, а они трясутся. Я трусишка, мерзлячка и слабачка. Но нужно взять себя в руки и не показывать своё никчёмное состояние. Сейчас я похожа на мокрого и голодного щенка, что ждёт под дверью и скулит. Благо у меня есть дом, куда я могу вернуться.

Я слышу шаги за дверью, сжимаю пальцы в кулаки и встряхиваю плечами. Дверь открывается, и от маминой улыбки сразу становится теплее. Но мгновение спустя её лицо выражает гримасу ужаса и негодования.

– Что с тобой случилось?

– Я просто упала, – стараюсь говорить как можно спокойнее и равнодушнее.

Я заваливаюсь в прихожую, а мама продолжает стоять в оцепенении с открытой дверью.

– Как?

– Да как обычно. Ты же знаешь, какая я неуклюжая.

Прости мама, но мне придётся тебе соврать, иначе твоё лицо станет ещё более испуганным, и тогда твоё беспокойство мне уже будет не остановить.

– Ита дома?

Я пытаюсь снять конверсы, но вода, что накопилась в них, словно клей.

– Ну и видок у тебя!

Усмешка за спиной ещё больше подкидывает дров в мой разгорающийся костёр злости.

– Это всё благодаря тебе! – разворачиваюсь на одной ноге и угрожающе смотрю на сестру.

– Тебя никто не просил приходить раньше. Я думала, что успею вернуться домой и позвонить тебе.

– А подождать нельзя было? И для чего тебе телефон? Чтобы дома забывать? – я закипаю и уже не контролирую свои движения. Из правого коверса выливается вода.

– Прости мам, я всё сейчас уберу. – Быстро разуваю вторую ногу.

– Я всё сделаю сама. А ты бегом переодеваться, а то тебя всю трясёт, – мягко, но настойчиво говорит мама и уходит по направлению ванной комнаты.

– Ты что, в земле валялась?

– Лучше помолчи, Харита! – грозно кидаю я в сторону сестры, снимая носки.

– Не называй меня так! – она надувает пухлые губки и скрещивает руки на груди – её обычная реакция, когда я на-

зываю её полным именем.

– А ты не заслуживаешь того, какое тебе больше нравится.

Босиком я хлюпаю к своей комнате и на полпути сталкиваюсь с мамой и тряпкой в её руках.

– Иди прими душ, и тебе сразу станет легче. – Снова от её улыбки мне становится теплее, а зелёные в крапинку глаза словно говорят: «всё будет хорошо».

Я так хочу обнять её, но вспоминаю, что сейчас я для этого совсем неприглядна.

– Да, мам, спасибо.

Я запрыгиваю в ванную комнату и с невыносимой радостью сбрасываю грязную одежду прямо на пол.

Под горячей бьющей водой озноб постепенно спадает. Я с силой надавливаю губкой на лицо. Тру левую щеку, пока не начинает жечь и гореть. Я бес конца добавляю на губку жидкое мыло, снова и снова стираю следы чужих пальцев.

Лиловые глаза вновь возникают в моей памяти, я вздрагиваю. От этого яркого необычного блеска до сих пор не по себе, и я не могу успокоиться. Ведь было очень страшно, и поэтому я должна забыть обо всём и не вызывать своим поведением никаких подозрений.

– Ио, всё в порядке? Ты уже двадцать минут сидишь там. – Голос сестры возвращает меня к реальности. – Прости меня, я ведь не ожидала, что ты придёшь ко мне на работу раньше! – Повышенным тоном говорит Ита, ей всегда легче извиняться на расстоянии.

– Как будто первый раз, – буркаю я, не в силах перекрыть поток воды.

– Эй, Ио, ты там жива? – Ита настойчиво стучит в дверь.

– Да! И не надейся... – Рывкаю я.

Но лучше бы нет. Меня занимают не те мысли, которые должны сопровождать после таких событий. Как ужасно я себя чувствую, становится вновь противно и неловко. Но стоит позволить фиолетовым оттенкам проявиться в моей голове, как меня окутывает немислимое желание постоянно думать и видеть только лишь их.

Как же бредово звучит! Даже самой непонятны и чужды собственные ощущения.

Напоследок охлаждающий душ возвращает мысли на место, а укутавшись в мягкое и согревающее полотенце, выхожу из ванной. Сестры поблизости нет, и я быстро проскальзываю в комнату. Мёртвым грузом падаю на кровать, не хочу шевелиться и, кажется, начинаю уходить в сон, завернувшись в полотенце, и сырой головой.

– Ты спишь?

Внутри я вздрогнула, но не подаю виду, что слышу и продолжаю лежать с закрытыми глазами.

– Теперь не будешь со мной разговаривать? – Ита закрывает дверь и подходит к моей кровати.

– Просто обдумываю, как тебе лучше вбить в голову, что надо быть более ответственной.

– Да ладно тебе, – отмахивается Ита и пододвигает стул,

чтобы сесть напротив меня. – Между прочим, я тебя звонила, когда пришла домой.

Вот чёрт!

Я открываю глаза, но быстро меняю своё растерянное выражение лица на укоряющий взгляд.

– Знаешь, неудобно как-то под ливнем разговаривать.

– Ладно, я виновата. И вот в знак примирения я приготовила твой любимый чай, – она неуверенно протягивает мне поднос с чашкой.

Я не могу долго злиться на сестру, её невинные глаза всегда растапливают лёд в людях, и я не исключение. И тем более горячий напиток как раз то, что нужно.

– Мама приготовила ужин, пойдём. – Ита с облегчением вздыхает, когда я делаю глоток зелёного чая.

– Мне совсем не хочется есть.

– Ты же знаешь, что для мамы это не оправдание.

– Эх, – грустно, но с улыбкой вздыхаю я. – Дадите мне пять минут?

Ита смеётся и в типичном для неё приподнятом настроении как бабочка, чарующая своими узорами, вылетает из комнаты. Мы с ней совершенно разные. Два непохожих характера уживаются иногда с трудом в одной комнате. Я её люблю и часто прощаю легкомысленные выходки, а она терпит в ответ мою сверхзаботливость.

Мне снова тепло, утопающе тепло. Жгучий язык скользит по щеке. Хочу ещё. Снова влажное и пылающее поглажива-

ет моё лицо. Тяжесть сдавливает меня. Не могу пошевелиться, да и не хочу. Тепло нарастает. Живот накрывают длинные тонкие пальцы, такие манящие и обволакивающие, что хочется целиком оказаться под их напором. Не могу больше терпеть, жажда коснуться преодолевает желание быть под контролем и даёт волю рукам. Но я не могу ими пошевелить, я их даже не чувствую, словно онемели и мне не подвластны. Ах, нет, я чувствую, как моё запястье хватает обжигающая рука, движется по предплечью к локтю, затем плечу и вот уже шея закипает под несдержанными пальцами. Мне совсем не страшно, мне хочется ещё больше. Пожалуйста, не отпускай меня! Хватка становится ещё крепче, я начинаю задыхаться, но не хочу, чтобы жар его тела покидал меня. Я замираю, больше не дышу, когда два сверкнувших в темноте аметиста жаждут вцепиться в мою плоть. Слышу рык и исчезаю в фиолетовой темноте.

Свет бьёт в глаза, дышу с трудом и совсем не понимаю происходящего.

– Ты в порядке?

Голос Иты. Хорошо, я дома. Свет от телефона не даёт мне разглядеть вещи вокруг себя.

– Да, просто сон приснился. – Говорю я, отодвигая в сторону телефон.

Ита присаживается на край моей кровати, теперь я вижу хотя бы часть освещённого лица, которое замерло в испуге.

– Сон? Да ты словно задыхалась. И стонала.

Стонала?

– Да ты вся горишь! – Она касается моего лба и, констатировав факт, соскакивает с кровати.

– Нет, всё хорошо. – Успеваю схватить её за руку. – Правда.

Она недоверчиво продолжает смотреть на меня, но вскоре сдаётся, зная, что я никогда не врала ей.

– Можно я хотя бы воды тебе принесу.

Это был явно не вопрос, и она вышла из комнаты, выполнять своё слово.

Свет выключен, значит уже ночь, и я пропустила ужин, но желудок до сих пор не просит пропитания. Я уснула прямо в полотенце, но Ита накрыла меня пледом, а во сне мне стало так жарко, что почти весь плед оказался в ногах. Я стонала. Мне впервые стыдно из-за собственного сна. Кажется, я хотела его прикосновений. Никогда раньше не испытывала такого дикого желания. Хоть это было не наяву, но так неловко.

– С тобой точно всё хорошо?

Я снова слишком ушла в себя и не услышала, как Ита вернулась. Её вопрос весьма уместен, ведь я закрыла ладонями лицо и мотаю головой, но я не могу ей рассказать.

– Спасибо.

Глоток освежающей воды умиротворяет внутренний жар, и я вздыхаю с облегчением, но сестра всё равно смотрит на меня с недоверием.

Лето, никуда не нужно вставать и торопиться. Мысль о том, что необходимо, в конце концов, найти работу полностью пробуждает меня. Поднимаюсь, потягиваюсь и решаю, что все события произошедшие вчера будут считаться сном вдобавок к ночным грёзам.

Ита уже встала и как всегда не заправила кровать. Смотрю на часы – ещё нет и десяти. Для меня это слишком рано, тем более в летнее время. Но я и так проспала почти двенадцать часов. Отлично, успею поискать работу и доделать проект.

Натягиваю тунику и бреду на кухню. На обеденном столе лежит записка: *«Олады в тарелке под полотенцем. Молоко в холодильнике на второй полке. Обязательно поешь»*; а ниже подписано более корявым почерком: *«Когда проснёшься, немедленно мне позвони! Хочу знать, как ты умудрилась ЛИШИТЬСЯ ПУГОВИЦЫ И ПОЛУЧИТЬ СИНЯКИ!»*

Боже, надеюсь, мама не видела этих восклицаний. Синяки? Почему-то я первым делом поднимаю руки. Кошмар! Будто змея несколькими кольцами обвила мне запястья и оставила отметины. Выбегаю в коридор и заглядываю почти во весь рост зеркало.

– Моё лицо! – в ужасе взвизгиваю я.

Местами моя нижняя челюсть багрового оттенка, и даже возле глаза остался след от указательного пальца. Видимо, это не может остаться просто сном. Что же делать? Если мама увидит, придётся всё рассказать, а сестре теперь тем более. Ладно, без паники, успокойся, моя дырявая голова

должна попытаться что-то придумать. Я хватаюсь за волосы, но ничего не приходит на ум. Я в отчаянии хлопаю по ногам.

– Ай! Как же больно!

Я задираю тунику и вижу на правом бедре несколько сине-фиолетовых отпечатков.

– Вот же зараза!

Трогаю ногу, но чуть надавив на синяки, корчу гримасу боли. Таких гематом у меня ещё не бывало. Даже в буйном и весёлом детстве были меньшие по размаху ушибы. А вдруг ещё на животе остались. Ох, слава богам, что нет. Хотя откуда, ведь здесь его рука лишь нежно касалась меня.

НЕЖНО?!

Смотрю на себя в зеркало: как я резво мотаю голову, вытряхивая мысли.

В животе заурчало. Да, действительно, пойду поем, успокоюсь и, может, что надумаю. Ещё раз прочитываю подробную инструкцию, где что лежит, ведь обычно я не замечаю, даже когда у меня это под носом, поэтому мама решила, что лучше оставлять детальные предписания.

– Ха! – Усмехаюсь я, попав взглядом на неровные буквы *«немедленно позвони»*. Про телефон уж точно придётся рассказать.

Даже холодные мамины олады просто объеденье, и если бы не было крайне неприятно и больно жевать немного онемевшей челюстью, то начало дня можно считать не таким уж и плохим. Помыв посуду и выбросив записку, которая мог-

ла породить череду вопросов, я направляюсь в ванную, там уже ждут постиранные и свежие вещи. Я быстрым движением стаскиваю шорты и отправляюсь на поиски беспризорной пуговицы.

– Ну вот, одной уликой меньше. – Я довольная своей работой, люблюсь джинсовыми шортами и радуюсь, что следов от травы не осталось.

Однако моё на миг приподнятое настроение быстро улетучивается. Я не могу даже выйти на улицу, чтобы не привлечь к себе внимания. Я дотрагиваюсь до нижней челюсти, шипящий звук непроизвольно вырывается как отзвук боли.

Я не могу придумать ничего правдоподобного, и это злит меня всё больше. И не могу смириться с правдой, которая заставит моих родных переживать. Разумеется, ничего сверхъестественного не случилось, но происшествие отнюдь не из приятных. Совершенно нет ни малейшего желания идти в больницу, да и в добавок, как обычно сработает самый главный закон – «закона подлости», там обязательно встретятся знакомые, которые потом передадут всё маме. Не хочу лишних сплетен и недомолвок. Но что я могу сделать?

В упадническом настроении я сажусь за письменный стол напротив окна. Хотела подпереть подбородок рукой, но быстро вспоминаю, что даже такой пустяк для меня теперь не позволительная роскошь. Раздражённо вздыхаю. Может, занятие любимым делом мне поможет отвлечься.

Достаю убранные листки из выдвижного ящика, выдёрги-

ваю карандаш из подставки, нацеливаюсь на незавершённый рисунок и ... Не хочу рисовать. Ненавижу это чувство. Смотрю в окно, а на улице ярко светит солнце, словно и не было вчера дождя, самого жуткого и мокрого дождя за всю мою жизнь.

Я всё ещё держу карандаш, поднимаю его перед собой и пристально смотрю. Это простой карандаш, который может в зависимости от настойчивости его обладателя создавать оттенки от бледно серого до углублённо чёрного, но сама его поверхность выкрашена в насыщенно фиолетовый и переливающийся на солнечных лучах цвет. Я совсем не хотела вспоминать, в произвольном потоке мысли сами нашли нужную картинку вчерашних событий, и вот передо мной вновь обилие лиловых оттенков. Я склоняю голову и разочаровываюсь в себе, что я даже собственное мышление не могу удержать в нужном мне направлении. Взгляд падает на чистый листок бумаги, и рука сама тянется к безграничному холсту фантазий.

Одна, вторая – линии сами по себе укладываются в стройный рисунок, следуя только за воспоминанием. Простой карандаш с фиолетовой поверхностью стимулирует воссоздание необходимых очертаний. Даже не требуется прибегать к помощи ластика, наброски верны и точно повторяют изгибы. Всего через несколько минут на меня снизу вверх, а по ощущениям наоборот, смотрят глаза, всё тем же пристальным взглядом с хищным отблеском.

Я знаю, что не хватает одной детали и бросаюсь к выдвижным ящикам, достаю футляр с цветными карандашами. Выбираю нужные тона и продолжаю воссоздавать неполный образ. Всеми карандаши что были – фиолетового, сиреневого, лилового, синего, красного цветов – я просто насыщаю рисунок и пытаюсь оживить его. Но всё не то. Близко, но, даже используя все цвета и их оттенки, я не смогу осветить весь спектр красок, которыми наполнены эти глаза. Мне остаётся смотреть только на подобие неповторимых глаз, и немного вздрагивать внутри от пронизывающего насквозь взгляда.

Но вдруг по спине пробегает дрожь, словно тоже самое ощущение пропитывает меня с затылка. Резко оборачиваюсь, хотя даже не знаю, что я ожидаю там узреть. И, разумеется, ничего кроме стен, двери, шкафа и тумбочки я не вижу. Но ощущение взгляда, забирающегося в душу нарастает всё больше. Я смотрю в одну точку на двери и не могу отвести взгляда. Как тогда, полное оцепенение, которое не даёт сдвинуться с места. Мне становится страшно, и я понимаю, что докатилась до паранойи. Я неожиданно хохочу во весь голос, и это на удивление помогает, сковывающее чувство отлегло.

Я вновь засматриваюсь зелены, которой богато лето. Дерево напротив окна всегда красиво и обладает успокаивающим эффектом. И неважно как оно выглядит: будь то красно-жёлтая накидка, отдающая оранжевые лучики предвкушения, или только маленькие наброски, набирающие силу и обещающие пришествие чего-то нового и неизвестного, или

даже пушистое и лёгкое покрывало, будь оно немного потеплее, то можно было рискнуть и укрыться, и вот сейчас полное жизни, оно ждёт, чтобы целиком раскрыться и показать всё, на что способно.

Раздаётся мелодия, и я подпрыгиваю на стуле. Оборачиваюсь на знакомый шум и в недоумении смотрю на деревянную тумбочку, где надывается мобильный телефон. Я в растерянности не сразу, но подхожу к тумбочке у двери. Уже по мелодии звонка я понимаю, что это мой телефон, и звонит никто иная как моя сестра.

– Да.

– Что «да»? Я который раз тебе уже звоню! Ты что, всё ещё спишь?

Чересчур звонкий голос сестры выдёргивает меня из размышлений, и из-за негативного и громкого потока, вырывающегося из трубки, я отставляю руку от уха и жду, пока череда оглушающих звуков приутихнет.

– Ты меня слушаешь?

Пора включаться в разговор, а то вновь начнётся тирада.

– Да, я вся во внимании. Просто решила спокойно отдохнуть и выключила звук.

– Выключила она звук! – Передразнивает меня Ита, и нужно признать, довольно удачно. – А я тут сиди и переживай!

– Где ты сидишь?

– В кафе.

– С кем?

– Ты его не знаешь. Только не вздыхай. Он просто душка.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Как же легко увести её в сторону от разговора, особенно, если тема касается парней. Ита продолжает что-то рассказывать о новом ухажёре, но мне приходится пропускать половину болтовни, чтобы предположить хоть какую-то наиболее вменяемую версию возвращения моего телефона.

– Просто не задерживайся допоздна.

– Хорошо. И когда я вернусь, надеюсь, ты расскажешь мне о пуговице, ну и о том, что я тебе написала в записке.

Ита видимо решила не говорить вслух при посторонних людях вещи, которые объяснять будет сложно и неловко. Похоже, она догадалась. Уж она-то точно знает, как выглядят мужские руки, ведь на лице у меня чёткий отпечаток одной такой подобной ладони.

– Пуговица? Какая пуговица? Всё на месте, как и было.

– Очень смешно. Пришить и я могу. – Даже через телефон я почувствовала, как улыбка спадает с её милого личика. – Я не хочу, чтобы ты выносила это в одиночку. Я не хотела оставлять тебя, но утром мне нужно было на работу.

– Спасибо. Я приготовлю твой любимый молочный коктейль. Развлекайся.

Напоследок я услышала радостный возглас и ребяческий смех – это всё что мне нужно.

Пару минут я продолжаю сверлить телефон взглядом,

словно он обязан выдать мне ответ. Но он упорно молчит. Я чётко помню, что потеряла его. Или же я прибывала в таком шоке, что могла и не помнить деталей. Я включаю подсветку. Ну вот же – звук есть, значит я должна была слышать звонки. Или может он был в шортах, а Ита положила его сюда, или мама. Так всё равно не сходится!

Ещё пару идей приходит мне в голову, тоже не проясняющих чудесного появления. Последнее время я всё чаще прибываю в недоумении. Пора завязывать.

Кладу телефон на место, и только сейчас моя рассеянность позволяет увидеть синюю округлую баночку. Оказавшись у меня в руке, она умещается в моей ладони как влитая. Я внимательно разглядываю притягательное изделие: такое красивое, сделанное из непрозрачного стекла и переливающееся от сапфирового до чисто-лазурного оттенка. Наверное, Ита купила. Я поднимаю крышку, и аромат заполняет комнату. Я с удовольствием вдыхаю букет из трав и цветов. Указательным пальцем я смахиваю со стенки баночки немного крема цвета мяты и втираю его в тыльную сторону ладони. Приятная и охлаждающая смесь быстро впитывается в кожу. Хм, странно, ни инструкции, ни этикетки. Повертев баночку в нескольких плоскостях, я ещё раз вдыхаю аромат и ставлю сосуд благоуханий на тумбочку.

В доме всегда найдутся дела, поэтому я решаю не терять времени даром. Кроме того я ещё не отчистила кеды от вчерашней встряски, да и ужин не мешало бы приготовить.

Включив ноутбук и врубив колонки на полную громкость, я принимаюсь за работу. Под любимую и в основном оживлённую музыку домашние хлопоты делаются быстрее и становятся более увлекательными.

Тишина. Я так глубоко задумалась, что не знаю, как давно она образовалась. Трек-лист похоже закончился. Бегу скорее в комнату, чтобы успеть вернуться к плите до пригорания блинчиков с мясом. Не успеваю всмотреться в экран, как мой взгляд цепляет листок бумаги, расположившийся на клавишах ноутбука.

«МАЗЬ ОТ СИНЯКОВ!»

Чего?

Взяв в руки листок, перечитываю добрый десяток раз. Но не от того, что не понимаю смысла, а просто озадачена появлением записки с незнакомым почерком. Без закорючек, которые обычно любит делать Ита, но не менее красивый и аккуратный шрифт без лишних чёрточек, застаёт меня врасплох. И даже чувствуется, сколько эмоций вложено в эти три слова, особенно восклицательный знак, выделяющийся обильностью чернил и продавивший бумагу, говорит, даже кричит о пылкости автора.

Призрак, никак иначе. Но больно уж он активный призрак, что даже с лёгкостью может писать и так живо выражать настроение.

Я оглядываюсь, снова в попытке кого-то лицезреть. Я верю в приведения, йети, говоря общими словами, или ещё ко-

го-либо сверхъестественного, ведь не может такое количество легенд и преданий по всему свету являться небылицей. Но я никогда не сталкивалась ни с чем подобным. А что, если круг из соли нарисовать?..

Прибегать, однако, к таким мерам я не стала, запах горелого отвлекает меня от безумных идей, принюхавшись, я соображаю, в чём дело. Блины всё-таки сгорели... Придётся всё переделывать, ибо угольки не очень аппетитны.

Ужин готов, коктейли тоже, а послание не выходит у меня из головы. Я с каким-то опасением возвращаюсь в комнату. Хочу ещё раз прочитать и убедиться, что это не галлюцинации. Но выходит как раз-таки наоборот: записка, оставленная на столе, исчезает. Теперь я не на шутку начинаю волноваться, что у меня едет крыша. Но каким бы образом сообщение не появилось, а потом исчезло, и кто бы его не оставил, я беру стеклянную баночку. Скорее всего, это любопытство подталкивает меня. Снимаю крышку и начинаю втирать бледно зелёный крем на пунцовую часть запястья. По мере впитывания мазь изменяет окраску, превращаясь в дымчато-розовую смесь.

Прошёл почти час, и всё это время я постоянно бегала к зеркалу, наблюдая, как прямо на глазах следы насилия исчезают. Отпечаток на лице практически весь исчез, ведь я не пожалела чудодейственного крема. Глазам не верю! Но теперь произошедшее можно действительно воспринимать как дурной сон, ничего больше не напоминает. Кроме листка,

что спрятан, точнее воспоминаний, которые теперь застыли не только в моей голове.

Как и хотела, я выбираюсь на солнышко. Сегодня так людно и шумно, и жарко, а ветерок изредка обдаёт прохладой. И кажется, я снова готова плюнуть на поиски работы. Нужно охладить себя и свои мысли, мороженое лучше всего справится с этим и поднимет настроение. Почти чавкая от удовольствия, я сижу на скамейке в теньке, созданный кроной деревьев, и лопаю мороженое. Неподадёку расположенный фонтан к пению птиц добавляет журчание воды, формируя образ нетронутой чистой природы. Я редко обхожусь без музыки, но сейчас мне достаточно природной мелодии, чтобы окружить себя умиротворением.

Ой! Рука вдруг заломила ни с того ни с сего, та самая правая. Ушло несколько дней, чтобы раны, оставленные шипами, затянулись. Однако ещё остались отметины, но до этого рука не беспокоила меня, а сейчас ноет со страшной силой. Видимо попала инфекция или ещё что, придётся идти в больницу.

Не может быть! Пока я шаталась по парку, над городом успели нависнуть тучи. Не спорю, я люблю дождь, но я ещё не отошла от вчерашней бури.

Люди ускоряют шаг, когда начинает накрапывать дождь. Я тоже прибавляю темп. Выхожу на голую площадь, как из леса; там хоть деревья создавали навес над головой, оставляя шанс не промокнуть до нитки. Люди бегут, прикрывая голо-

вы, кто газетой, кто сумкой, редко кто захватил зонт в такой жаркий прежде денёк. Я же, немного съёжившись, быстро переставляю ногами, зажимая правую руку и думая о своём украденном зонте. А вот и он кстати.

Что?!

Я пролетаю мимо человека, боковым зрением замечая свой зонт. Конечно мой, потому что незадолго я умудрилась поставить пятно смеси красок (и здесь сказывается моя неуклюжесть). Даже сильно побледнев из-за моих попыток избавиться от следа, пятно всё равно ярко выделяется на зелёном перламутровом фоне.

Делая ещё пару шагов, останавливаюсь, а затем не спеша, как в замедленной съёмке, поворачиваюсь. Человек, что держит мой зонт, тоже остановился и уже развернулся в мою сторону. Лица я не вижу – зонт хорошо скрывает его от дождя. Я невольно бросаю взгляд на ноги. Дыхание перехватывает, тело замирает, но зато я чётко чувствую ритм сердца, который увеличивается с каждой секундой. Сапоги из тёмной кожи снова передо мной, и я опять не вижу их владельца.

Ноги стали действовать сами по себе, медленно пятясь назад. Но здесь же люди, он ничего не сможет сделать. Хотя даже если будут убивать на глазах, их будет беспокоить лишь только, как бы не упустить и запечатлеть момент. Удручающе печально общество в наше время.

Ай! Я чуть не вскрикиваю вслух. Рука заломила с двойной силой. Что же это? Слишком больно, чтобы терпеть. Ноги

словно ватные. Голову охватывает тепло. Почему все лежат? Ах, нет, это я упала. В глазах мутно. Сапоги стали намного ближе.

– Не приближайся ко мне!

Это последнее на что у меня хватает сил, и я ощущаю тепло, разливающееся по всему телу.

Глава 3. Необъяснимый всплеск турмалиновых чувств

Неприятное покалывание в руке побуждает открыть глаза. Дневной серый свет не сильно слепит, и зрение быстро приходит в норму. Я понимаю, что дома, лежу в своей уютной постели. Вытягиваю затёкшие ноги и упираюсь во что-то, хотя такого быть не должно.

Я приподнимаю голову и снова цепенею. На краю моей кровати, повернувшись спиной, сидит мужчина. Его насыщенные чёрным цветом волосы взъерошены и торчат в разные стороны, касаясь менее углублённого тёмного оттенка рубашки.

Может это ухажёр сестры. Но никаких обычных признаков её возвращения я не наблюдаю. Спина его приподнимается, видимо он почувствовал, как я ёрзаю на кровати, пытаюсь отыскать телефон.

Сон или явь? Не могу понять. Неповторимые краски аметиста возникли напротив меня. Так близко и так отчётливо. Они снова заставляют меня оцепенеть, но теперь я не могу от них оторваться и убежать. Тонкие губы вытягиваются в

напрягающую улыбку, а острые скулы только помогают увидеть в нём повадки хищника.

– Что так долго!

Я не замечаю смысла сказанного. Голос продолжает разливаться у меня в голове. Нотки раздражения ничто по сравнению с тембром, произнесённым низким твёрдым голосом. Как у такого монстра может быть настолько приятный голос?

Он вздыхает. Теперь раздражение слышно отчётливо, и это заставляет вернуть моё восприятие в реальность, осознавая, что меньше чем в пяти сантиметрах от моих лодыжек сидит вчерашний извращенец. Я, опершись на локти, отодвигаюсь назад без резких движений, чтобы не вызвать прыжок хищника. Почти половина корпуса и голова уже свисают.

– Что ты делаешь? – Он встаёт и делает несколько шагов к изголовью кровати.

А я даже не могу задержать его, к примеру, ударить ногой – одеяло «удачно» закутало их. Испуг окончательно берёт верх, и мне уже всё равно, что я сейчас упаду.

Сильные руки подхватывают меня. Обжигающее тепло захватывает всё тело, заливая даже рассудок, не успевающий уловить того момента, как я с быстрой лёгкостью оказываюсь в сидячем положении. Теперь я в изумлении замираю.

– Придётся перевязывать заново, – удручающе вздыхает он и с упрёком добавляет. – Посмотри, что ты наделала!

Он берёт мою правую руку и протягивает перед озадачен-

ным с глупым выражением лицом, которое не может понять, что происходит, и откуда столь обволакивающее тепло доходит до каждой клеточки трясущегося тела. Я с трудом, но сосредотачиваюсь на руке, которая оказывается перебинтованной, и тут же чувствую сжимающую тягу на всём протяжении предплечья. Но он хотел обратить моё внимание на красное пятно, что проступает сквозь бинты и увеличивает свою площадь.

– Правильно делаешь, что молчишь. Мне хоть не придётся слушать нытьё. Ненавижу вашу беспомощность. Чуть заденешь, как уже на части рассыпаетесь. Совсем никакого развлечения. И в придачу приходится возиться с такой слабачкой.

– Тогда с какого перепугу ты тут делаешь, маньяк-извращенец? – Вот меня и прорвало. Я вырываю правую руку, не давая ему продолжить разматывать бинт.

Не знаю точно, какие слова меня больше взбесили: «ненавижу», «развлечения» или «слабачкой», или же вовсе тон – с каким пренебрежением и разочарованием это было всё произнесено. Скорее вся непонятная и странная речь в целом.

Он внимательно смотрит на меня, но уже через секунду комнату охватывают смешки – мрачные и подавляющие любое намерение сопротивляться.

– Меня называли разными словами, но чтоб так – впервые. – Он снова берёт руку, но теперь с ббольшим упорством, что я зажмуриваюсь, чтобы не дать болезненным звукам вы-

рваться наружу. – Ты бываешь очень вспыльчива.

– Тебе-то откуда знать?

Он многозначительно усмехается, не ответив.

Почему я позволяю прикасаться к себе, после того что он пытался сделать? Сейчас он не выглядит таким уж угрожающим, и мне не хочется убежать, я наоборот желаю остаться здесь и любоваться его восхитительным лицом. Действительно, слишком красив, чтобы быть маньяком. Ну не может прекрасное быть ужасным.

Он переводит взгляд на меня, я в смущении, но не могу отвести глаза от божественных линий. Тогда он нагибается, большим и указательным пальцами берёт мой подбородок, обрушивая всю вселенную лиловых звёзд.

– Не прикасайся ко мне!

Я размашистым движением свободной кисти скидываю руку с лица и повторяю рывок правой. Но на этот раз мне не удаётся освободиться. словно предвидев реакцию, он крепко, но без давления удерживал пострадавшую руку.

Усмешка в мой адрес вызывает ещё большее чувство отращения и злости. Да он просто насмехается надо мной! Противно, но я на самом деле беспомощна.

– Прекрати, ты только мешаешь. – Спокойно и серьёзно произносит он, снова занявшись рукой.

Я не смею больше шелохнуться и не смотрю на так и манящее лицо, сейчас я только наблюдаю за ловкими движениями пальцев, и, кажется, ухожу в себя.

Он разматывает мою руку, и я ахаю, увидев, как кожа на предплечье позеленела.

– Видимо яд остался, – поясняет он.

Как будто это мне что-то говорит... Яд? Какой яд?

Он садиться на край кровати, берёт в свою правую руку моё запястье, а левой сжимает в плече чуть выше локтя и наклоняется к руке, немного приоткрыв рот.

– Что ты собираешься делать?! – В ужасе восклицаю я и толкаю его в плечо.

Но он даже не качнулся, лишь приостанавливается, из-под лобья смотрит на меня, дав понять, что мне лучше заткнуться. Я так и поступаю. Страх перед его убийственным взглядом оказывается сильнее страха неизвестности.

Он снова начинает двигаться к внутренней стороне руки и, не раздумывая, впивается зубами точно в то место, откуда сочится кровь. Ох, нет, это погорячилась моя фантазия. То были не зубы, а его мягкие губы, которые обожгли мою кожу. Его рот крепко сжимает мою руку, и я даже могу ощущать, как вытягивается кровь из сосудов.

Вампир? Нет, это как-то слишком бредово даже для меня. Но не могу удержать себя.

– Ты вампир? – Я с трудом сдерживаю смех. Хорошо, что он не видит, как я сжимаю губы, чтобы не улыбнуться.

– Ты относишь меня к таким слабакам? – Он с чмоканьем отрывается от моей руки, похоже, его развеселил мой вопрос; ну, ещё бы.

Я даже не задаюсь дилеммой о реальности их существования, услышав полноту серьёзности ответа.

– Сам Дракула?

– И с этим пареньком меня не смей сравнивать. – Его губы выглядят чуть пухлее, покрытые рубиновыми каплями, а лицо источает агрессию.

Я оскорбила его этим? Сейчас я думаю не о крови на губах, которая принадлежит мне, хотя это тоже заслуживает внимания, а умиляюсь его гордыне, которую я сумела задеть, видимо недооценив его положение.

– Прояви хоть немного уважения, я сейчас, между прочим, тебе жизнь спасаю.

– А выглядит совсем наоборот.

Едва заметная улыбка мелькает на вызывающем одновременно и ужас и восхищение лице.

– Это ты меня порезал?

Маньяк, никак иначе.

– Да.

Я всё-таки ожидала услышать другой ответ.

– Не трясись! Это меня раздражает. – Его пристальный тёмно-лиловый взгляд предусматривает мгновенное выполнение его слов.

– Извини, но я не могу спокойно сидеть и ждать, когда же ты мне оторвёшь руку или голову!

– Для тебя будет достаточно одного прикосновения.

– Я только надеюсь, что это будет быстро и не больно.

Что я несу? Видимо я пытаюсь защититься словами, раз другими средствами противостоять бесполезно.

– А я разве не упомянул, что спас тебя? – Намёк был с упрёком.

Он отпускает руку и своей тыльной стороной ладони вытирает губы, на которых поблёскивала моя алая кровь, и на которые я не могу перестать таращиться из-за этого. Он неожиданно встаёт и идёт к столу, я не отрываясь и даже не моргая, слежу за ним. Он оказался выше, чем я думала. А его прямая и широкая спина закрывает весь обзор производимых им операций. «Прекрати пялиться!», – говорю я себе. Но глаза словно околдованные, созерцают, как ещё слегка влажные волосы спадают на поднятый воротник. Шёлковая рубашка сидит на нём безупречно, облегая контуры идеальных пропорций, но при этом необъяснимо легка и свободна, а под небольшими лучами света и движениями тела, складки перетекают, колыхаясь, словно волны в чёрном море. Всё в этом человеке одно темнее другого.

Он разворачивается и направляется на прежнее место с бинтом в новой упаковке. Он и аптечку нашёл в нашем доме, когда даже я не знаю толком, где что лежит!

– Нужно сначала закрыть рану стерильным материалом, потом...

– Так сойдёт.

– Не обязательно обматывать всю руку.

– Надо было оставить тебя под дождём! – Отчётливая

несдержанность слышится в ответе на мои попытки скорректировать его действия.

Он раздражённо вздыхает, когда я обращаю всё внимание на него в ожидании объяснений всего происходящего.

– Как же долго до тебя всегда доходит. – Не успеваю я возразить или что-то сказать, как он продолжает. – Три дня назад на тебя напал... монстр.

Очень заметно, что он обдумывал последнее слово.

– Что-то я не припоминаю никаких монстров кроме как вчера.

– Дерзишь. – Он прищуривает глаза, видимо хочет напугать этим, и у него это прекрасно получается. – Да, с виду он выглядел как обычный человек. Но неужели ты больше ничего не заметила? Хотя, да, чему я удивляюсь.

Я поджимаю губы и недовольно смотрю на него, нахмутив брови. Он так говорит, будто знает меня, а может снова просто говорит о чём-то в целом.

– Заметила, – как можно язвительнее отвечаю я. – Мою руку обвиле какое-то растение, но ведь я быстро избавилась от него.

– То растение было ядовитым. А его шипы проникли под кожу и оставались там как недозревшие семена. Когда же на них регулярно стала попадать влага и солнечные лучи, у них появился стимул высасывать твою жизненную энергию, чтобы прорости. – Меня начинает напрягать, с каким спокойствием он всё это рассказывает. – Ты очень удачно свалилась

в обморок, и пока ты была в бессознании, я без проблем и воплей вырезал семена, но я не подумал, что останется жидкость. Ха, видимо это яд подействовал на тебя так, что даже боль не дала тебе очнуться. – В его глазах что-то сверкнуло и, кажется, это была злобная идея. – Теперь ты понимаешь, что я не преувеличивал о спасении твоей жизни?

С последними словами он заканчивает перевязывать рану. Обычно я всегда вежлива и благодарна людям за помощь, но только не в этот раз.

– Мне что сказать тебе «спасибо»? После того, что ты вчера собирался сделать со мной! – Я понимаю, что ничуть не сожалею о словах, что говорю и собираюсь сказать, единственное, что меня волнует это прямой взгляд непроницаемых лиловых красок. – Что ты за маньяк такой? Сначала нападаешь, лапаешь, оставляя синяки, потом преследуешь, а затем вдруг спасаешь. А сейчас сидишь и выжидаешь нужного момента, чтобы продолжить начатое и изнасиловать меня! Да, лучше бы я умерла от этого дурацкого ядовитого растения!

Я вижу, что моя речь ни капельки его не задела, а пронеслась, как слабенький ветерок, не способного непоколебимую гору признать в нём достойного противника.

– Если бы я хотел чего-то подобного, то давно бы уже это сделал.

Я сижу в полнейшей растерянности, но не от слов, а его ответной реакции, которую я не могу осмыслить, но она ме-

ня ужасает. Его губы стали растягиваться в улыбке всё шире, я не понимаю почему, и тогда он опускает взгляд ниже. Я тут же следую за ним, и мне становится ясна его лучезарная улыбка.

Всё это время я была занята сбивающей с толку ситуацией, раздражающей злостью и разглядыванием этого ненормального, и хоть бы раз промелькнула мысль, как и в чём я нахожусь в кровати. И теперь, когда я сижу, причём уже давно, край одеяла лежит у меня на коленях, закрывая ноги, но грудь остаётся открытой и защищает меня только одна маленькая, но очень важная женская деталь. Я быстро натаскиваю одеяло и укрываюсь с головой, чтобы никто не видел моих покрасневших щёк.

– Ах, расслабься, ничем ты меня новым не удивишь, – с равнодушием отзывается парень напротив меня. – Я к тебе не собираюсь прикасаться.

– Тогда почему я голая? – с накатывающим раздражением смущённо и приглушённо из-под одеяла бормочу я.

– Не знал, что ты хотела остаться в мокрой одежде и заболеть.

Язвительный тон давит на уши, но эта его забота тут же разрушает стены.

Я вылезаю из своего надёжного укрытия, я всё ещё озадачена и не понимаю. Он, видимо прочитав это по моему лицу, захотел разъяснить мне доходчиво.

– Вчера я лишь хотел проверить, правдивы ли слухи.

О чём он говорит? Какие слухи?

– Почему ты не спросишь вслух, а ведёшь диалог у себя в мыслях?

– С чего ты взял? – начинаю отнекиваться, как бы не понимая, о чём он говорит.

– Когда ты рассуждаешь, ты словно погружаешься глубоко в себя, а выражение на твоём лице – оно забавляет.

Уже успев сменить нелепую физиономию, я закусываю губу от неловкости. Я редко замечаю за собой сопровождающие признаки своей мозговой деятельности, чересчур увлекаюсь происходящим и, как он и сказал, погружаюсь в себя, когда мне что-то интересно, пусть даже если это какой-то пустяк или забавная мысль.

– Так какие слухи?

– Поговаривают о женщине, до которой нельзя дотронуться.

– И как это понимать?

Что за бред он несёт?

Лиловые глаза загораются и пронзительно смотрят на меня. Я замечаю малейшее движение и перекидываю взгляд на его закатанный рукав рубашки, обнажающий руку до локтя, следую до запястья и уже совсем близко вижу его длинные пальцы. Они мягко и уверенно прикасаются к моему оголённому из-за непослушного одеяла плечу. Меня пронзает током, а он тихо, почти шепотом произносит.

– Вожделение.

Я не могу издать ни звука. Я снова чувствую, как кровь приливает к щекам. Я собираюсь отдёргнуть плечо, но парень опережает меня и убирает руку.

– Это... это от того мужика пошли слухи? – Я заикаюсь и теперь я точно спелый помидор и начинаю быстро говорить, чтобы как-то отвлечься. – Тот мужчина, он разве хотел чего-то подобного? Он, конечно, схватил меня, но потом ему стало плохо.

– Это просто совпадение! – Обрывает он. Я перевожу взгляд на парня, ведь ему тоже стало не по себе. – Эти слухи – вздор. Я ведь могу беспрепятственно делать с тобой что захочу.

– Видимо так. Я имею в виду эти нелепые выдумки. – Быстро исправляюсь я, а то подумает, что я одобряю его «беспрепятственные действия».

Он слегка улыбается и, похоже, в этот раз без всякой насмешки. Я смотрю на него, опять не могу отвести взгляд и, думаю, даже не пытаюсь. Сиренево-лиловая гамма переливается, и, похоже, её сущность не одноцветна, как мне показалось вначале, а она так разнообразна и непредсказуема.

До этого я не замечала или не придавала значения запаху металла с привкусом крови, но сейчас я чувствую, как мне начинает пощипывать нос. Спустя мгновение я ощущаю холодность и наступающее отстранение, а его совершенное лицо превращается в мраморную маску безразличия. Он встаёт и направляется к двери. Я вдруг хочу его окликнуть, но

подавляю эту странную попытку.

Он останавливается у двери, его осанка ровная и внушающая, как и вся атлетично сложенная фигура. Я не вижу его лица, прошло лишь секунд пять, а я уже не могу без прекрасных очертаний. Но он не оборачивается, и если бы я не сидела позади, можно было бы решить, что он обращается вовсе не ко мне.

– Ты скоро забудешь всё, что произошло. Ваша память так устроена – забывать всё плохое.

Что? Нет! Я не хочу забывать. Теперь не хочу.

Он дёргает ручку. Выходит. Дверь захлопывается. После него в комнате остаётся только усмешка от последней брошенной фразы, и холод, отчётливо контрастирующий с тем теплом, что недавно охватывало всё моё существо.

Почему я промолчала? И я о многом не успела спросить, точнее вообще ничего не спросила. Как он нашёл меня, как попал в дом, как узнал, где я живу, ну здесь-то всё и так понятно – проследил, разумеется. Откуда он знает мужика, что отравил меня ядом. Наверное, они состоят в одном клубе «Маньяки-насилъники, или как напугать девушку до полусмерти». И эти дурацкие слухи, с какой стати кому-то интересоваться мной и вообще разговаривать о том, можно ли до меня дотронуться или нет? Бред! И что за непонятные высказывания, где фигурирует множественное число: «вы», «вас», «ваш»; про кого он это, девушек, людей? Знает мои привычки и поведение; но, чёрт подери, откуда? И кто он, в

конце концов, даже имя не узнала.

«Ты ничем не удивишь», даже обидно немного. Но он прав, ведь вокруг такого мужчины всегда вертятся красивые женщины. Вот я дура: не заметила штаны и кофту на стуле. «Вожделение»... сколько соблазна и сладкого зова намеренно плохо скрыто в этом слове, особенно произнесённое тонкими изящными устами. О чём я только думаю?! Что за странные мысли забивают мою голову?

Я не сразу замечаю, что обхватила подушку и руками и ногами. Не знаю, сколько времени я пробыла в таком положении, мысли улетели так далеко и так беспечно. В тишине я слышу звон ключей и захлопнувшуюся дверь. Немного погодя раздаётся топот маленьких шажочков, и в дверной проём пролезает светлая кудрявая голова. Смотрит и хлопает большими глазами, как кукла, только светящаяся жизнью.

– Ты даже не вставала? – глаза Иты и без того большие становятся ещё шире. – Ты заболела? – Она кидается к моей постели. – Да у тебя жар! – Пугается она, заключив мои щёки в крошечные изящные ручки.

– Всё хорошо.

– Я сомневаюсь. Нужно померить температуру. – Она крутит головой, словно где-то поблизости должна быть аптечка, чутьё опять её не подводит. – Ты уже что-то пила?

Ита подлетает к столу, по договорённости принадлежавший ей, который стоит в той же плоскости, что и мой, и начинает беспокойно рыться в аптечке. Я не хочу ей повторять,

что всё нормально, ведь если она что-либо вбила себе в голову, то поднимет на уши всех и каждого. Ита возвращается и без всяких разговоров суёт мне под мышку доисторический ртутный градусник (мама доверяет только проверенным средствам).

– Почему ты сидишь раздетая? – родительским тоном Ита требует объяснений.

– Я промокла, пришлось снять одежду.

– Но ведь дождь уже давно закончился. Ты только пришла?

– Нет, кажется.

– Нет, с тобой явно что-то не так!

Я смотрю на дверь, просто смотрю всё в той же позе. Ита опускается на коленки и, положив руки и голову на кровать, пристально принимается изучать моё состояние.

– Ты влюбилась.

Обычно её зверская интуиция чувствует подобные вещи, но сейчас она ошибается. Я не могу влюбиться в человека, который издевался надо мной и который спас меня... Да нет же, просто его лицо дьявольски привлекательно и срывает инстинкт женской природы.

– Глупости-то не говори! Это только ты можешь влюбляться быстро и безрассудно.

– Ну не так уж и быстро. – Она даже в нашей беседе умудряется игриво улыбаться. – Ах! – Вдруг пугается она, хотя я вздрагиваю сильнее. – Что у тебя с рукой?

– Порезалась, – отмахиваюсь я.

– Как? Чем? – Ита отнимает мою руку от подушки и вытягивает перед собой.

– Блины готовила. Иди поешь кстати. – Пытаюсь спроводить её.

– На этот раз, упрямая и скрытная сестра, ты от меня не отделаешься. А твоё лицо, оно в порядке! – Её рот от удивления открывается, а рука тянется к щеке.

– Оно и было таким.

– Хватит из меня дуру делать! Я о тебе беспокоюсь, а ты!

Я не предполагала такую реакцию сестры: она резко встаёт и выходит из комнаты. Я не ожидала, что мои слова могут так обидеть её.

Это сложно для меня. Кому-то безоговорочно доверять и говорить всё, что творится на душе. Даже с собственной сестрой или мамой, самыми близкими и дорогими мне людьми, я не могу поделиться некоторыми вещами и быть до конца откровенной. И дело не в том, что будут смеяться над моими словами, идеями, мечтами, а просто не поймут, не смогут понять. Надеюсь, я ошибаюсь.

Молочный коктейль – отличный примирительный напиток, позволяющий, хоть и не надолго, но подзабыть о грустном и тревожном. Ты же знаешь, я люблю тебя, сестрёнка. Я постараюсь научиться доверять, прям как ты – преисполненная жизнерадостной энергией.

Проходит день.

Тянется второй.

Тащится третий.

Единственным потрясением за эти дни было моё обнаружение пропажи, а точнее двух пропаж. Первое это листок бумаги, но если бы это был просто листок, да даже с рисунком, над которым я несколько часов трудилась, я бы расстроилась, но не ощущала бы пустоту так сильно. А второе – крем, да именно тот чудодейственный крем, который испарился после его ухода. Но исчезновение конкретно первой вещи усилило мою панику. Быть может он и имел в виду это под словами «Ты скоро забудешь всё» и решил посодействовать этому, забрав косвенные (хотя бы такие) улики его существования.

Я не рисовала уже три дня. Такого со мной прежде не бывало. И даже нет желания снова браться за карандаш – изображать неповторимые контуры аметиста, так как я знаю, что как бы я не старалась, они не получаться такими живыми и яркими.

Ах да, ещё я нашла работу. Продавцом мне не очень нравится быть, точнее у меня отсутствует дар убеждения, чтобы покупатель ушёл не с пустыми руками, но мне кажется, в зоомагазине этого особо не требуется, да и в окружении животных мне будет гораздо комфортнее. Правда на этой работе бывает режет в глазах и закладывает нос, но если почаще убираться, то можно и привыкнуть.

– Уже почти восемь. Я думаю, покупателей сегодня боль-

ше не будет, можешь идти домой.

Веста, так она сама попросила её величать, женщина лет сорока пяти, очень добрая и приветливая, с радостью помогла мне разобраться в делах магазина, и она такая болтушка, но мне не привыкать. Но думаю, всё-таки нас больше сближает любовь к животным. Жаль, что дома у нас нельзя завести питомца, так как у сестры аллергия на шерсть, а питона или крокодила мне приобрести не разрешают.

– Ты отлично справляешься и делаешь даже гораздо больше, чем требуется. Тебе нужно побольше развлекаться, гулять. Всегда есть вероятность встретить свою судьбу.

Да, уже все в курсе, что у меня нет парня, и постоянно норовят мне об этом напомнить.

– Купи платье, сделай причёску, – она выразительно поправляет свою короткую стрижку. – Улыбайся, и тогда весь мир будет у твоих ног.

Ха-ха, легко сказать.

– Мне так не повезёт как вам – встретить свою вторую половинку.

– Да, согласна, у меня муж просто золотце. Ой, кстати надо напомнить ему, чтобы купил овощей. Сегодня наш сын приезжает. Если бы он не был женат, я бы обязательно вас познакомила.

– Не сомневаюсь.

Пока мы разговаривали о делах насущных, уже и закончился рабочий день. Попрощавшись с Вестой и помахав зве-

рюшкам рукой, я не спеша побрела домой. Пока я в магазине, то постоянно чем-то занята и на раздумья практически нет времени, и так мне легче прожить день за днём. Прибавляю громкость в плеере, чтобы басы заглушали мои мысли, однако их не так-то просто заменить даже роком. Я прокручиваю каждую секунду, каждое мгновение, проведённое с ним. Страха и отвращения к нему совсем не осталось, словно наша первая встреча не была такой безумной.

Я не торопясь иду по пешеходному мосту и останавливаюсь примерно на его середине. Облокотившись на перила, преграждающие путь в воду, я смотрю вперёд, но ничего красивого и удивительного не вижу, вода как вода, небо как небо и солнце, оно всё также светит. Раньше я часто смотрела на природу, на её неповторимую красоту, и она никогда не казалась мне скучной, я каждый раз находила новые нетронутые глазом особенные частицы целого. Что изменилось?

Я вздрагиваю от неожиданного стягивания в ногах. Смотрю вниз, а мои лодыжки перевязаны толстой зелёной верёвкой. Пытаюсь отодвинуть левую ногу, но она крепко прижата к правой. И тут же каждое запястье обвивают стебли, но не колючие, как в прошлый раз, а гладкие, однако от этого они делают не менее болезненно. Руки под рывками стеблей отводятся назад и я, не удерживав равновесия, падаю. Наушники выпадают, когда я приземляюсь спиной на рюкзак, к счастью головой я не достаю до асфальтированного покрытия.

– На этот раз у тебя не получится сбежать!

Голос знаком, но только когда я вижу нависшую над собой золотистую голову, я вспоминаю, что это тот парень, что приставал к моей сестре, а затем меня отравил. Я хочу возразить ему, но ещё несказанные слова обрывает другой голос.

– Но как мы будем её делить?

Здесь ещё кто-то?

– Ты уверен, что эта смертная обладает такой силой?

Третий голос! Да сколько же их там? Последняя неделя слишком переполнена мужским вниманием ко мне.

– Хочешь проверить? – Мерзкий тип в костюме встаёт и смотрит куда-то в сторону, показывая на меня, словно предлагая.

– Развяжите меня! – выкрикиваю я тогда и пытаюсь сесть.

Но тут же чувствую ботинок у себя на груди, который с силой надавливает на меня, приковывая обратно к асфальту.

– Перестаньте! – кричу я, жмурясь от боли и сопротивляясь ботинку.

Раздаётся хруст, а затем мучительный крик, и я больше не ощущаю давления сверху. Открываю глаза и вижу как рядом со мной падает мужчина, я тут же сажусь и в недоумении слежу за тем, как он держит свою ногу и катается по земле, выкрикивая ругательства.

– Что ты делаешь?

– Мне противно смотреть на вас. – Меня пронизывает током, и я оборачиваюсь на голос, который уже и не надеялась услышать. – Как вы не можете справиться со слабачкой, не

используя грубой силой.

Он вообще на чьей стороне?

Фигура в чёрном хватает одного из троицы за горло, без труда поднимает его, и тот, перекинутый через перила улетает вниз, а я так и не успеваю разглядеть его.

– В таком виде я тебя не сразу узнал. – Голос мерзкого типа подрагивает, хотя по высоте и ширине плеч мужчина крупнее своего оппонента. – Мы же можем договориться.

– Убирайся.

Настолько угрожающего и пренебрежительного тона я ещё не слышала от него.

Светловолосый мерзкий тип вдруг оборачивается ко мне, и по его глазам я читаю: «Я с тобой ещё не закончил». А затем он бросает что-то на землю, из-за чего появляется грязного цвета красная дымка.

– Эй! А как же я?

Я уже и забыла, что позади меня кто-то есть. Мужчина соскакивает и, придерживая сломанную конечность, прыгает на одной ноге прямо к дымовой завесе.

Приблизительно через десяток секунд красная пелена рассеивается, и двое мужчин исчезают вместе с ней. Остаётся только фигура с недовольным видом, но чарующими тёмно-лиловыми глазами. Думаю, проходит вечность, прежде чем он закатывает глаза и твёрдыми шагами приближается ко мне. Я сижу в той же позе, оставляя руки за поясом и с полусогнутыми и связанными ногами. Он молча подходит,

садится и, не напрягаясь, распутывает лиану, обвитую вокруг лодыжек. Я не скрывая свой интерес, рассматриваю его профиль, как чёрные волосы, а под лучами солнца немного с пурпуром, прикрывают часть лица, из-за чего я не вижу фиолетовых аметистов, но зато могу любоваться его тонким прямым носом, острыми линиями скул и губами, которые сжаты сейчас в тонкую задумчивую линию.

Освободив ноги, он наклоняется ко мне и снова оказывается с левой стороны, что я не вижу его лица. Я замираю, он явно замечает, как я перестаю дышать, и тут же возвращается в прежнее положение, вытягивая мои руки. Аккуратно избавляется от стеблей и бросает их в сторону. Теперь он смотрит на меня, а я на него. Похоже, мы играем в «кто кого переглядит», но я точно не собираюсь сдаваться. Вдруг мне стоит отвести взгляд, и он исчезнет, но не на три дня, а навсегда. Как же быстро я могла к нему привязаться. Он продолжает пронзительно смотреть на меня, видимо ждёт, что я что-то скажу. Вскоре ему надоедает это бессмысленное молчание, и он запускает левую руку под колени, а другой обхватывает мою спину, и я взлетаю в воздух.

Глава 4. Серебристые уши

Неожиданно. Но он молча несёт меня, а я, сжавшись в его руках, наконец, обращаю внимание на окружающий мир: на мосту ни души, что очень странно. Жаль, что я не чувствую его правую руку полностью – основная часть прижимает мой

рюкзак из подобию коричневой кожи. И я почему-то боюсь дотронуться до столь привлекательного и не совсем реально-го человека и сцепляю ладони вместе и держу их на животе.

– Почему ты не звала на помощь? – наконец-то я слышу его голос – мягкий и раздражённый.

– Потому что думала, что никто не придёт.

Прозвучало как-то жалко.

Снова молчание.

– Куда ты меня несёшь?

– В твой дом.

Но его слова имели примерно такое звучание: «Зачем ты задаёшь вопрос, ответ которого очевиден».

– Нет-нет, ты что! Я сама! – Я нехотя, но собираюсь выпрыгнуть из сильных рук.

– А что не так? – Но в ответ на мои рывки, крепче прижимает меня к себе.

– Ну, если увидят, что меня принёс домой какой-то парень, то...

– Что? – похоже, он действительно не понимает всю ко-мичность ситуации.

– Ничего. Это ведь ты забрал крем и рисунок? – Ловко увожу тему в другую сторону.

– Крем я верну, тебе он точно пригодится. – Опять он на-смехается надо мной, но и не отрицает, что это его рук дело, значит, и принёс баночку тоже он.

– Но что насчёт рисунка?

– Зачем он тебе? – он переводит свой прямой взгляд на меня, прищулив глаза.

– Это довольно хорошая работа. – Как можно отстранённое и деловым тоном вру я.

– Да, хорошая, – его тонкие губы вытягиваются в самодовольной ухмылке.

Ладно, я спалилась, но ведь практика по лжи началась у меня совсем недавно.

– Так ты вернёшь его мне?

– А что если я предложу тебе вместо нарисованных глаз – настоящие?

– Что... что ты имеешь в виду?

Главное не выдавать свою реакцию, но бьющееся в десять раз быстрее сердце подставляет меня. Безусловно, он почувствовал стук, ведь я так близко к нему.

– Увидев со стороны, как обращались с тобой эти уроды, я понял, что вёл себя не лучшим образом, и теперь я должен извиниться за свои действия. – Я не могу сказать ничего в ответ, я вдруг растеряла все слова. – Понимаю. Ты должна ненавидеть меня после того, что я сделал.

Ненавидеть? Да, точно, ненавидеть! И я зачем-то свожу брови к переносице.

Он останавливается и опускает меня на скамейку. О, мы уже в парке! Он садится рядом, но соблюдая дистанцию.

– Могу я загладить свою вину? – Он пронизывающе смотрит, и в его плодоядном взгляде мелькают светлые и тёмные

вспышки, словно борясь друг с другом.

Я в опьяняющем оцепенении, ничего не могу сказать в ответ. Он берёт мою правую руку и закатывает рукав, а сердце стучит всё сильнее от каждого его прикосновения.

– Почему ты не снимаешь бинт? – Он явно удивлён.

– Я не хочу, чтобы рана заживала.

Он изумлённо смотрит на меня, округлив, обычно вечно суженные, глаза.

– Ты сказал, что я забуду всё. А это будет мне напоминанием, чтобы я помнила.

– Ты мазохистка.

– Мне всё равно.

– Со временем всё забывается, любые моменты стираются из памяти.

– Но не все.

Он молчит, словно соглашается со мной. Медленно его руки стали разматывать бинт. Рука не болит, цвет стал нормальным, осталась лишь рана от намеренного пореза, но и он бы почти затянулся, если бы я соблюдала правила.

О Боже, он снова наклоняется к руке! Опять хочет выпить крови? Вампир, и теперь даже пусть не пытается отрицать! Мне немного страшно, но руку я не убираю. Он прав – я мазохистка. Зажмуриваюсь и жду укуса. Но вместо этого я чувствую прикосновение горячих губ, затем ещё и ещё. Сладостная дрожь разливается по всему телу, и я желаю в ней полностью раствориться. От сгиба в локте его губы спуска-

ются ниже, и там где незаживший порез, он целует его с двух сторон, а затем осторожно прижимается губами к самому повреждению. Волосы спадают с его головы, волнуя и лаская мою кожу. И снова нежные губы россыпью опускаются до запястья, даря ему более влажный поцелуй. Да, я не ошиблась, дальше его рот ещё больше приоткрывается, и я чувствую кончик жгучего языка, который по внутренней стороне ладони доходит до указательного пальца. Он немного поворачивает мою ладонь и слегка сжимает зубами мой краешек пальца. Жар, возникший под влажными губами и острыми зубами, потоком расходится пламенем, а сердце волнуяще бьётся о стенку груди. Не хочу открывать глаза, вдруг мне всё это кажется или снится, но я расплываюсь и уже не помню где я, главное знаю с кем. И он не останавливается, мой палец оказывается уже наполовину погружённым в обжигающую пучину. Из меня вдруг вырывается тихий стон, надеюсь, он не услышал.

– Я смотрю, ты совсем не знаешь, что значит быть порядочным и как вести себя с прекрасным человеческим созданием!

Я открываю глаза и вижу, как парень замер с моим пальцем во рту, а его хищный огненно-лиловый взгляд следит за мной. Я краснею от стыда только сейчас и, пытаюсь успокоиться, фокусирую зрение на дальние предметы, те, что, оказывается, существуют за пределами прекрасного мужского лица, и вижу как к нам приближается стройный парень. Мою

руку вдруг не резко, но равнодушно оставляют без внимания, опуская на скамейку.

– Ограничивать себя не входит в список моих привычек. – Усмешка в его голосе вновь звучит всё отчётливее.

Высокий молоденький парень достигает нас, но даже не смотрит, очевидно, на своего знакомого, тот тоже не удоставляет его приветствием. Всё внимание нацелено строго на меня, отчего я вжимаюсь в спинку скамейки. Столько красавчиков для меня многовато.

– Рад встрече, я Акерито. Друг этого извращенца. – Молодой человек с серебристыми волосами снимает с головы молодёжную шляпу и протягивает мне руку.

– О, я тоже. Я Иоланта, и вы мне уже нравитесь.

Протягиваю ему правую руку, но вовремя вспомнив, что она вся в слюнях, быстро меняю на левую. Акерито, не теряя даже мгновения, слегка прикладывается губами к тыльной стороне ладони. Меня немного смущает данный жест, но, узнав, что ещё кто-то кроме меня считает человека, сидящего напротив, именно извращенцем, я забываю обо всём и злорадно улыбаюсь ему в надежде сбить с его лица ухмылку.

– Между прочим, это не я следил за спящей девушкой. – Как бы невзначай бросает фразу человек с фиолетовыми глазами, переводя взгляд на Акерито.

– А я уж подумала, что наконец-то встретила нормального человека.

– Да, признаю, но это было исключительно в исследова-

тельских целях.

Не вижу ни капельки стыда в глазах ярко-золотистого цвета.

– Боюсь спросить, но много ли вы там наисследовали? – Мне хочется встать и врезать, но его милое лицо не позволит мне поднять руку.

– С вашего разрешения я всё объясню.

Акерито, сразу вызывающий только положительные эмоции и ощущение, будто с ним давно знаком, усаживается между нами, а я отодвигаюсь, чтобы все удобно разместились.

– Начну с самого начала. – Акерито надевает шляпу коричневого оттенка обратно на голову и закидывает ногу на ногу. – Всё началось с того, что пошли слухи, что объявилась человеческая девушка, которая может высвободить нашу силу и направлять её же против нас самих. Ну, сама понимаешь, это довольно опасно и...

– Вашу силу? Какую силу? – Переспрашиваю я, может, упустила чего.

– Ты ей вообще ничего не рассказывал, Дейтевиан?

Даже его имя звучит божественно! Неужели теперь я могу обращаться к нему по имени!

– Я ей ничего не говорил и не собираюсь. – Дейтевиан холодно смотрит в сторону.

– Хм, ну давай я расскажу без подробностей, а потом она уже сама решит, стоит ли ей вникать в суть или нет.

– Её уже давно втянули, так что всё равно. – Он вдруг стал таким равнодушным, хотя пять минут назад было всё иначе.

– Ладно, сейчас. – Наверное, не зная с чего начать, Акерито какое-то время разглядывает свои штаны тоже коричневого цвета в тон головного убора, но спустя несколько секунд заговаривает. – В общем, появился источник, пока ни о чём не спрашивай, – добавляет он, когда я только открываю рот. – Из-за которого и начался весь переполох. Я узнал о слухах одним из первых, когда этот напыщенный кактус трезвонил всем без умолку, что видел жрицу. Когда же я нашёл жрицу, а разыскать оказалось проще простого, то сразу усомнился в истинности слухов, ведь даже защиты никакой не стояло. Реакция от сил жрицы может возникать и должна, даже когда она спит, но ничего подобного я не почувствовал. И всё же, чтобы полностью убедиться, мне пришлось усилить свои желания. – В его глазах вдруг появляется странный блеск, и я в ужасе краснею и невольно отодвигаюсь. – Но ты можешь не беспокоиться, когда я лишь только прикоснулся к тебе с недобрыми помыслами, то руки мои зажглись как от сильнейшего оберега. Было, мягко говоря, неприятно, но я сдержал боль. Да и ты мне пару раз чуть не заехала. – Он смотрит на меня с упрекающей, но доброй улыбкой. – Я долго не мог понять, что это за защита. Но когда я умерил своё желание, и просто дотронулся до тебя, то никакого эффекта не случилось. Но как только я позволял проявиться какой-либо нечестивой мысли, то мгновенно ощущал отпор.

О том же самом говорил Дейтевиан. Какое непривычное имя, даже по сравнению с моим.

– Я рассказал об этом своему другу. Ну, а что случилось после, ты и сама уже знаешь.

– Мне всего лишь нечем было заняться. – Вступает в разговор Дейтевиан. – На меня же долго не действовала твоя своеобразная защита, поэтому мне пришлось быть напористее. – Он в самодовольной ухмылке кладёт свою стопу боком на колено и разваливается на пол скамьи. – Но признаюсь, всё же тебе удалось меня удивить. Я не ожидал, что эта сила будет силой жрицы.

– Значит, ты мне соврал тогда.

– Выражаясь точнее – не всё сказал. И видимо ко всему прочему у тебя присутствует особая защита.

– Так почему же ты можешь прикасаться ко мне? – Я снова начинаю наливать румянцем, когда вспоминаю на руке его тёплые губы.

– Очевидно ты не вызываешь у меня столь сильного желания.

Что-то обрывается внутри.

Пауза нависает над нами, и я забываю всё, что мне рассказывали, кроме последней фразы.

– Я надеюсь, ты не злишься, что без твоего ведома я ночью наблюдал за тобой? – вкрадчиво спрашивает Акерито. Сейчас у него слишком безобидное лицо, чтобы злиться.

– Бывало и похуже. – Но я собираюсь с мыслями и иду в

наступление. – По вашим рассказам я являюсь жрицей. Вы хоть сами понимаете, как это бредово звучит?

– Да.

Дейтевиан явно показывает, что он не доволен складывающейся ситуацией, но я, не обращая на него внимания, продолжаю.

– И что я как бы умею?

– Как я уже говорил, ты способна брать нашу силу под контроль. Этим ты опасна для таких как мы. А под «мы» я подразумеваю демонов. – Акерито делает паузу, а я продолжаю смотреть на него и жду продолжения. – И в тоже время душа жрицы обладает огромной мощью, которая может увеличивать силу демонов в несколько раз. Поэтому за твоей душой уже объявлена охота. А так как ты оказывается и не знала о своей силе, то легко можно сделать вывод, что ты не умеешь ей пользоваться и сейчас являешься лёгкой беззащитной добычей.

Я пытаюсь осознать. Но слишком много бредовой информации, чтобы воспринять её.

– Скажи что-нибудь. – Обращается ко мне Акерито.

– Вечереет, – Я встаю. – Пора домой.

Нужно подальше убраться от этих психов-извращенцев.

– Ио, постой! – Окликает меня Акерито.

Хм, он уже называет меня неполным именем. Как же меня всё бесит! Я делаю широкие шаги, еле успеваю за ногами.

– Согласен, это звучит странно. Людям трудно принимать

то, что они не понимают.

Акерито хватается меня за руку, я пытаюсь вырваться, и он тут же меня отпускает.

– Извини, я не хотел, – виновато просит прощения он. – Но позволь мне показать тебе.

Акерито делает два шага назад и выглядит неуверенным. Я стою, скрестив руки на груди, и делаю лицо, которое говорит: «Ну, давай, удиви меня». Честно признаться, я не понимаю, почему я злюсь, то ли от вывалившейся на меня басни о способностях, которыми я в принципе не могу обладать, или то, что он так равнодушен.

– Не пугайся, пожалуйста.

И после этих слов шляпа на голове с аккуратной модной стрижкой приподнимается. Я озадаченно смотрю на него, и тогда Акерито снимает шляпу. Это оказываются уши, заострённые кверху и слегка оттопыренные, цвета серебра, как и его волосы. Похожи на лисьи. Пушистые уши шевельнулись, улавливая звуки.

– Это шерсть?

Я подхожу к нему и тянусь рукой к голове. Глаза Акерито расширяются, и он наклоняется назад.

– Можно? – Я останавливаю руку, видя, как он отстраняется.

Но он тут же меняется в лице, и какая-то боязнь исчезает. Он наклоняет голову, чтобы мне не пришлось тянуться.

– Какие пушистые и гладкие одновременно. А как же лю-

ди? – я с беспокойством смотрю по сторонам.

– Если я захочу, они не смогут видеть меня или мою истинную форму.

И действительно люди проходят мимо, не обращая внимания на то, что прямо у них перед носом человек с лисьими ушами.

– Просто магия какая-то!

Слышу ухмылку, которая даёт понять, что я снова лягнула глупость.

– А посмотри, какой у меня хвост!

Я вижу, как глаза Акерито загораются восторгом и радостью, и он хочет повернуться, чтобы продемонстрировать.

– Да что с тобой не так?!

Слышу недовольный возглас и не успеваю даже вздрогнуть, как передо мной возникает тёмная фигура.

– Ты должна бояться, а не умиляться!

Я смотрю на Акерито, который с трудом устоял на ногах после толчка в плечо, но его лицо растеряно не меньше моего.

– Он демон, я демон! Ты должна в ужасе бежать от нас!

– Если только от тебя! Ты так орёшь, что у меня в ушах звенит.

– Тебе всё смешно? А я прямо сейчас могу убить тебя и забрать душу! – Его лицо настолько пылает яростью, что мне действительно становится страшно. – И правда, зачем я только мучился и уже дважды спасал тебе жизнь.

– Да, действительно, зачем? Скажи, мне очень хочется узнать.

Я вызывающе смотрю ему прямо в глаза, на что они ещё больше разгораются тёмно-фиолетовой яростью.

– Потому что твоя душа прибавляет мне сил. Я понял, что не обязательно её забирать, можно находиться рядом, и она сама будет отдавать мне силы. Сначала я решил отказаться от этой затеи: не в моих правилах выжидать и тем более быть с человеком, да ещё так долго. Но жажда обладать большей мощностью, оказалась сильнее меня. И я решил вернуться в мир людей. Но тогда я увидел, какая ты беспомощная. Я понял, что мой источник силы могут забрать, поэтому я решил быть как можно ближе.

Чувствую, как что-то падает в бездну и, похоже, разбивается. Так значит, всё это было ради какой-то там силы, а не... Такого крушения иллюзий мне ещё не приходилось испытывать.

– Можешь забрать её.

Я не могу смотреть ему в лицо, а разглядываю перед собой чёрные пуговицы рубашки и начинаю проваливаться в кромешную глубину. Не знаю, что происходит с ним сейчас, но его грудь поднимается всё чаще, а дыхание учащается.

– Да как ты можешь так легко разбрасываться своей жизнью!

Я снова чувствую его бесцеремонную хватку, но теперь на шее. Мне ужасно больно, рука не только сдавливает гор-

ло, но и поднимает меня, и я даже носами кед не могу дотянуться до земли. Перестаёт хватать воздуха, я могу лишь хрипло издавать подобие звуков. Я дрожащими от напряжения пальцами обхватываю его руку и в тщетных попытках стараюсь умерить сдавливание. Не могу больше, голова вот-вот оторвётся.

– Что ты делаешь? Прекрати!

Сквозь пропадающее сознание я слышу взволнованный голос Лиса.

– Замолчи! – слишком грубо отзывается он на своего друга. – Ну же, давай!

Это он мне? Что давать? Он хочет, чтобы я шла к свету? Потерпи, недолго осталось.

Всё не могу больше бороться. Мои руки обессиленно падают как плети. Глаза закрываются, и чувствую, как падаю, но не в бездну, а на мужские плечи. И чтобы я не скользила вниз, сильные руки подхватывают меня и прижимают к гладкой и мягкой ткани. Но кашель не даёт мне спокойно прийти в себя.

– Прости. – Слышу мягкий голос без всяких язвительных ноток. – Я думал, твоя сила проявится, если твоей жизни действительно будет угрожать опасность. Тогда ты смогла бы защищать себя сама.

Всеми силами души я хочу оттолкнуть его, послать куда подальше. Но не могу. Даже сейчас узнав, кто он на самом деле, и прочувствовав на себе, что он опасен чуть ли не боль-

ше всех других типов, я не в силах оттолкнуть его.

Я перестаю кашлять, восстанавливаю дыхание. Хочу, но боюсь посмотреть в сине-лиловые аметисты и увидеть хоть немного раскаяния. И меня вдруг снова отрывают от земли, и я уже полностью в его руках. Он правильно делает, что сажает меня на скамейку – колени до сих пор трясутся. И тут я вижу перед собой оранжево-жёлтые и взволнованные глаза Акерито.

– Ты в порядке?

Я киваю, на большее меня не хватает.

– Я же говорил, что с людьми нужно быть осторожнее. – Он встаёт с корточек и указательным пальцем машет перед носом Дейтевиана.

– Да-да, я слабая, никчёмная и так далее. Но может хоть ты не будешь давить на больное. – Обращаюсь я к Лису, у которого снова появились человеческие уши.

Лицо Дейтевиана меняется с хмурого на привычное с усмешкой. Это из-за того, что он вновь слышит мои колючие высказывания?

– Я не перестаю удивляться людям.

– Я тоже. – Дейтевиан смотрит на меня, приподняв бровь.

– Я о том, что меня душили у них на глазах, а они даже не шелохнулись.

– Это я сделал иллюзию, чтобы не было лишней суеты. – Объясняет Акерито. – Люди видели лишь, как вы обнимаетесь.

– Ты и такое можешь? Это твои способности? – Я делаю вид, что не слышала про иллюзию, где мы обнимаемся.

– Кстати про способности. – Дейтевиан задумчиво прикладывает пальцы к подбородку. – Следует выяснить, как их пробудить в тебе.

– А ты уверен, что они у меня есть?

– Я сам их на себе испытал! – Прозвучало как обвинение. – Может мне стоит быть более настойчивым и грубым, как в тот дождливый день.

Он замечает мой испуганный и смущённый взгляд и начинает злорадно посмеиваться.

– Я рада, что тебе весело.

Акерито закатывает глаза, глядя на своего приятеля. А у него никакой реакции. Когда-нибудь мой сарказм подействует на него?

– Вот что я предлагаю, – он неожиданно перестаёт поддаваться воспоминаниям и оказывается напротив меня. – Давай заключим неофициальный контракт.

– Ах, ну да, ты же демон.

– Я не тот демон, что заключает сделки. Обычно я просто забираю то, что мне нужно. Но сейчас я готов сделать исключение.

– Что это вдруг?

– Так я смогу черпать больше силы на протяжении всей твоей жизни. А если я заберу её сейчас, то она быстро исчерпает себя.

– Деловой подход, сразу видно профи. – Издеваюсь я, чтобы не убежать. – Но разве я не буду сама от этого слабеть.

– Каким-то образом душа восстанавливается или возможно здесь замешаны совсем другие механизмы передачи силы. В любом случае, если бы это было опасно для твоей души, то признаки давно бы уже проявились. Я уже питался твоей духовной энергией, и ты разве испытывала усталость, слабость, апатию?

Да, но то была не моральная и не физическая причина, а некая другая.

– Хм, а что я получу взамен?

– Мою защиту.

– От себя самого?

Дейтевиан вздыхает, но сдерживает себя:

– Жалкие ничтожества знают о тебе, и они будут возвращаться снова и снова, дабы заполучить душу.

– Может за мной придёт другой демон, который, в отличие от некоторых, будет уважать меня и не станет душить! – Не скрывая в тоне и во взгляде обвинения, держу руку на шее, и я до сих пор чувствую на ней его пальцы. – Или вдруг Акерито захочет меня защищать? – Прозвучало довольно странно, будто я предлагаю ему поучаствовать в торгах.

– Лис, – Дейтевиан многозначительно обращается к другу.

– Похоже, что только Дейтевиан может черпать силу от твоей души таким образом, то есть не убивая тебя и не забирая душу.

– Почему? – я облакачиваюсь на спинку скамейки и отодвигаюсь в сторону.

– Я не знаю. Это, видимо, связано и с тем, что только он может прикасаться к тебе, ну пока не разозлит, но тогда вступает уже сила жрицы, которая как бы отвечает на угрозу жизни.

– Почему только он? – Я с ног до головы осматриваю внушительную и накаченную чёрную фигуру.

– Почему, почему, – раздражённо передразнивает Дейтевиан и наклоняется ко мне слишком близко. – Просто ответь, ты согласна на сделку?

Он упирается руками в спинку скамьи, не давая мне пути к отступлению. Это открытое давление на одну из сторон, заключающих контракт! Как я могу здраво рассуждать, когда он так близко, а обилие лиловых оттенков не позволяет мне дышать ровно, а сердцу биться в спокойном ритме. Его зрачки сужены и дико горят в надежде получить новую дозу силы. Но ведь и сейчас ему ничего не мешает высасывать мою душу.

Пора подумать о себе. Может быть, и для меня в этой сделке найдётся выгода. Я кладу ладонь на его твёрдую грудную клетку и отодвигаю Дейтевиана от себя.

– Хорошо. Но как только я научусь использовать силу жрицы, наш договор будет расторгнут.

Тонкие губы растягиваются чуть ли ни до ушей.

Глава 5. Загадочная чёрная фигура

Надоедливая мелодия прямо под ухом. Я отключаю будильник на телефоне, сквозь сон рассуждая: «Сейчас, ещё пять минуточек». Но только начинаю проваливаться в сон, как осознаю, что если сейчас же не встану – опоздаю на работу. Соскакиваю, смотрю по сторонам, вспоминая вчерашний день и договор. Никого нет, только сестра слегка посапывает, видя, надеюсь, счастливые сны.

Магазин открывается в девять, поэтому у меня только тридцать минут, чтобы собраться и сорок на дорогу, конечно можно распределить время наоборот, но мне нравится ходить пешком. Умываюсь, принимаю бодрящий душ, бегу на кухню, где меня уже ждёт инструкция с подробным описанием расположения омлета. Быстро улетаю завтрак и, одеваясь на ходу, так как слишком много времени потратила на душ, поддавшись воспоминаниям, вылетаю из дома.

Иду по улице и постоянно оглядываюсь, из-за чего регулярно врезаюсь в спешащих на работу людей. Накоплю денег и куплю велосипед, решаю я, когда меня дважды чуть не сбивают велосипедисты, чтобы я тоже могла пугать пешеходов. Заманчиво конечно, но мне не нравится причинять кому-то боль в отличие от него. Ну вот, опять. О чём бы я ни думала, мысли постоянно перенаправляются на путь, ведущий к далёким лиловым загадкам.

На работе я увлекаюсь, разговаривая с животными и с Вестой, когда она периодически отрывается от болтовни по те-

лефону. Ну, вылитая Ита. Надеюсь, она так же будет счастлива замужем, но об этом ей думать рано.

– Ио, дорогая, там пришёл покупатель. Он такой красавчик, иди-ка ты обслужи его.

Валенитина не оставляет попыток свести меня с кем-либо.

– А Вы что же, боитесь мужу изменить? – смеюсь я, выбираясь со склада.

– Да ну тебя, скажешь тоже! – игриво смеётся она.

Отряхивая фартук от опилок и кроличьей шерсти и не глядя на покупателя, я выхожу к кассе, и только оказавшись за прилавком, поднимаю глаза. Ток пронзает меня, а челюсть падает на пол.

– Я же говорила. Правда, красавчик? – Шепчет мне Веста и тыкает в бок локтём.

– Э-э, я, кажется, забыла выключить воду в кладовке.

– Ой, нужно скорее закрыть кран, а то он такой ненадёжный.

– Здравствуйте, чем я могу Вам помочь? – Вежливо интересуюсь я, но когда Веста скрывается из поля зрения, набрасываюсь на Дейтевиана. – Зачем ты пришёл сюда? Тебя не было целый день, а тут вдруг заявляешься прямо на работу.

– Ещё только два часа дня, поэтому фактически день ещё не закончен, и я всё утро был рядом. А сейчас мне надоело стоять около магазина.

– Утром я тебя не видела.

Я понижаю тон, мне становится стыдно, что я начала на него чуть ли не кричать и что-то требовать, хотя принципе он и не обязан быть постоянно со мной, и как оказалось, он всё это время был поблизости.

– Разумеется, не видела, потому я так захотел. А умей ты пользоваться силой, с лёгкостью могла бы преодолеть мою, как ты говоришь, магию.

– Будь добр, делай так, чтобы я могла тебя всегда видеть, а то как-то неудобно.

– Хорошо, но я думал, тебе будет неловко, если ты будешь видеть меня, когда принимаешь ванну.

– Что? – Начинаю повышать голос, но вспоминаю про Весту, ведь она тот час прибежит и будет отчитывать меня за хамское поведение с клиентом. – Ты... Да ты!..

– Расслабься, я не маньяк-извращенец, как ты меня назвала.

Всё-таки припомнил он мне это.

– Когда ты закончишь здесь?

– В восемь.

Дейтевиан удручающе вздыхает.

– Так ты меня ждёшь?

– Нет, просто это моё хобби сутками стоять на месте. – Теперь он раздражён.

– Но ты же не обязан всё время защищать меня. Я сомневаюсь, что толпа демонов заваливаться в зоомагазин.

– Им нет разницы, куда заваливаться.

– Тут есть неподалёку суши-бар, ты можешь посидеть там и поесть заодно. Или ты не ешь?

– Тогда кричи громче. – Издевательские мотивы так и хлещут из него. – Думаю, из того здания я смогу услышать твои жалостливые крики.

– Ни за что.

– Да, я уже понял, что ты лучше умрёшь, чем попросишь о помощи, просто шучу. – Он мимолётно улыбается, но как-то совсем невесело. – Я приду в восемь.

Чёрная фигура удаляется, но голос всё ещё звучит в голове.

– А что с животными? – Возвращается Веста, не давая мне проследить, как закрывается дверь.

Я смотрю на клетки и аквариумы: птицы беспокойно летают по ограниченному пространству, цепляясь за металлические прутья; рыбы бешено плавают, тыкаясь в стеклянные границы; а грызуны бегут по лабиринту или зажимаются в уголке, надеясь, что их не видно. Даже животные чувствуют его настоящую сущность. А я... я как заплутавшая рыбка, случайно попавшая во тьму, которая хочет выбраться из глубины и поддётся на свет, что на самом деле является приманкой хищника.

Следующие несколько часов длились, как никогда медленно, даже скучные лекции и то пролетали быстрее. Не могу унять мысли о нём, никогда раньше до такой степени я не была увлечена человеком... демоном... без разницы! Са-

ма себе удивляюсь: почему я без особого труда восприняла демоническую натуру новых знакомых. Но то, что он демон совсем не удивительно. Я словно всегда знала, что его тёмная аура неспроста.

– Ио, иди домой.

– Но ещё же только начало восьмого, – удивляюсь я, но радость и нетерпение уже начинают плясать.

– Сегодня ты слишком часто смотришь на часы. Думаю, тебе хочется поскорее уйти с работы, но ты не переживай, я всё доделаю.

– Правда? Спасибо!

Я быстро собираюсь, кидаю за спину рюкзак и выскакиваю из магазина. Дейтевиана поблизости не видно, тогда я иду в суши-бар. Посетители искоса на меня смотрят, когда я бросаюсь в большой зал, потом возвращаюсь к барной стойке и снова иду в большой зал. Но в мужской туалет я точно не пойду. Нигде его нет, наверное, ему надоело ждать.

– Иоланта!

Он назвал меня по имени, жаль только недовольным тоном. Я оборачиваюсь, когда уже иду по аллее.

– Мы же договорились, что я приду за тобой! – под взбешённым взглядом Дейтевиана я становлюсь меньше.

– Прости. Меня отпустили раньше, но я тебя искала, – оправдываюсь я, хотя прошла всего метров сто.

Я вижу, как он сжимает губы и напрягает челюсть, с трудом сдерживаясь от грозных речей, от чего скулы становят-

ся ещё острее. Но предпочитает промолчать, и, обойдя меня, направляется вдоль аллеи. Дейтевиан идёт не слишком быстро, поэтому я легко его догоняю, когда прихожу в себя от блеска лилового гипноза.

Иду немного позади него, и Дейтевиан явно не хочет, чтобы я шла рядом, раз он даже не притормаживает и не оборачивается.

– Ты ведь можешь не ходить туда.

Это был вопрос?

– Куда?

Дейтевиан слегка дёргает головой диагонально влево.

– На работу? – Молчание знак согласия. – А жить на что?

Мне же нужно помогать маме оплачивать жильё, а также покупать вещи, еду, в конце концов. – В животе вдруг заурчало. Неловко, но замолчать его никак не заставишь, кроме как едой. – Это может вы, демоны, питаетесь только душами, но людям необходима еда.

Дейтевиан молчит. Он злиться? Обдумывает что-то? Лица я не вижу, а его осанка всегда прямая, так что эмоции по мимике и позе я разгадать не могу. Но его движения плавные и в тоже время уверенные, он точно знает куда идёт, в отличие от меня. Мне кажется, я застряла на месте и не вижу свой путь, или где-то плутаю в стороне. Хотя нет, есть у меня путь, по которому зовёт меня душа.

Мы проходим мост. Получается, вчера те люди тоже были демонами. А значит, даже не стоит брать в голову – доплыл

ли до берега тот, кто простым движением был перекинут за борт. И сломанная нога заживёт быстрее. Но я не уверена, ведь я не знаю ничего о демонах. Читать во Всемирной паутине всё подряд, думаю, бесполезно, но где найти настолько правдивый и скорее всего древний источник, дошедший до наших дней.

Идём через парк, где я вчера узнала то ли правду, то ли вымысел о себе, о сокрытой части мира, о Дейтевиане.

– А где Акерито?

– Я должен знать?

– Разве вы не друзья?

– Нет.

Да, глупые вопросы я задаю, он же не нянька ему и тем более он целый день ждал меня, а вот для меня похоже, что да – нянька.

– А между демонами может быть настоящая дружба?

– А между людьми?

Его вопрос-ответ толкает меня в замешательство. А ведь он прав, я не уверена, что существует настоящая дружба. Да, у меня есть сестра, и думаю, мы с ней лучшие подруги. Но это другое. Нас связывают ещё и кровные узы, и не всегда понятно, где сестринская помощь, а где дружеская поддержка. Есть друзья из института, с которыми есть что-то общее и помимо учёбы, но мне всё равно кажется, что существует какой-то обрыв между нами, и я не могу довериться им, не задумываясь. Скорее всего, я просто слишком много сочи-

няю и накручиваю себя. Но что вообще подразумевает под собой понятие «друзья»? Или каждый человек вкладывает в него своё значение?

– Эй, ты опять это делаешь.

– Что?

Дейтевиан идёт влоборота и смотрит на меня с усмешкой.

– Уходишь от реальности, придумывая себе новые заботы.

– Ты это так называешь? – Я снова задумалась и не заметила, что кажусь странной.

– Это так выглядит.

Пугает меня его внимательность, и видит он меня насквозь, можно сказать знает меня даже лучше, чем я сама. Уже дважды он указывает на моё умение мгновенно и глубоко погружаться в собственные мысли, сопровождая сие нелепым состоянием. Это явно его веселит или что ещё хуже – раздражает.

Оставшийся путь мы идём молча. Хотя на самом деле мне о многом хочется его расспросить. Но практически все вопросы касаются темы демонов. А спрашивать напрямую в лоб было бы неэтично с моей стороны даже по отношению к демону. Не хочется лишний раз злить его, обижать или давать повод насмеяться. Или вовсе может ничего не произойти – слишком равнодушным он выглядит.

Дейтевиан останавливается, и я с удивлением осознаю, что мы стоим напротив многоэтажного здания.

– Увидимся позже.

– Ты не пойдёшь?

– Ты же сама говорила, что не хочешь, чтобы я показывался рядом с тобой в доме.

– Но ты же можешь становиться невидимым.

– Не я становлюсь невидимым, а меня не могут видеть. Неважно. – Обречённо говорит он, увидев в моих глазах вопрос: «А в чём собственно разница?» – У меня есть дела.

Я такая эгоистка. Разумеется, у него могут быть свои дела.

– Тогда до завтра, – полагаю, удалось скрыть надежду в голосе.

– Ага.

Что это за улыбка? Хитрая такая, что аж зубы сводит.

Дейтевиан уходит, я, на секунду задержавшись, открываю дверь, и не в силах сдержать себя, чтобы не взглянуть на чёрную отдаляющуюся фигуру. Я смотрю по сторонам, но он снова исчезает. Когда такое происходит, мне начинает казаться, что я потихоньку схожу с ума, и на самом деле демон Дейтевиан только у меня в голове. От этих мыслей становится пусто.

Люблю, когда нам удаётся поужинать втроём, ведь маму частенько могут вызвать посидеть с детьми в любое время суток. Но сейчас я счастлива и нахожусь в полной безмятежности... почти в полной.

– Ты какая-то напряжённая.

– Да не, обычная.

Как тут не быть напряжённой?! Если высокий молодой парень беззаботно расхаживает по кухне, но его никто не видит кроме меня. Как он это делает? Вот что означала его хитрая ухмылка, он и не собирался надолго уходить. Зачем он пришёл сейчас? Зачем он лазает по полкам?

Стук.

– Что это?

Мама и сестра вздрагивают вместе со мной и оборачиваются на звук. Жестяная банка ещё сохраняет дребезжание, но крышка осталась на месте, иначе бы специи усыпали весь кафельный пол в чередё беспорядочных узоров, которые можно было обнаружить, проявив фантазию.

– Домовой шалит, – смеётся мама.

Я издаю подобие смешка, но гневно смотрю в пустоту, где на самом деле стоит фигура, в глазах которой горит издёвка. Да он специально!

Я продолжаю пытаться попасть ложкой с рисом в рот, при этом, не теряя бдительности. Однако мой пристальный взгляд не останавливает Дейтевиана, и он приподнимает крышку с кастрюли. Ладно, мама сидит спиной, но как только Ита не видит боковым зрением, что в двух метрах от неё летает алюминиевая крышка. Дейтевиан принимает, заглядывает в кастрюлю, а затем смотрит на меня и двигает кистью, показывая указательным пальцем вниз.

Он хочет есть? Я продолжаю сидеть на стуле, хлопая глазами. Моя замедленная реакция заставляет его закатить гла-

за и, похоже, он хочет с грохотом швырнуть крышку на место. Я соскакиваю, стул с режущим скрипом проезжает по полу. В комнате воцаряется тишина. Я быстро направляюсь к плите, стараясь закрыть вид на висящие в воздухе предметы.

– Хочу добавки! Положить ещё кому-нибудь?

Я забираю крышку, но не касаюсь Дейтевиана. А что будет, если я задену его? Мои движения выглядят неестественно, я как будто чего-то сторонюсь. Тянусь к тарелкам, что стоят позади Дейтевиана, изворачиваясь и выгибая спину и плечи, и чувствую на себе косые взгляды. Наконец, я достояю чистую тарелку, не потревожив мраморную статую с издевательской ухмылкой.

– Но у тебя же ещё есть рис на тарелке и зачем тебе чистая?

– А-а я... эту порцию пересолила. – Не умею я врать.

Наваливаю гору риса и уже хочу отойти от плиты, как меня хватает рука, и я резко останавливаюсь. Я не подаю вида, что мне не дают сдвинуться с места, и аккуратно гляжу из-под лобья. Дейтевиан подбородком показывает мне на сковородку с мясной подливой.

– В тебя столько не влезет.

Говорит сущую правду Ита, наблюдая, облокотившись на спинку стула и вытянув шею, как я зачерпываю уже третью глубокую деревянную ложку.

– А я на работе не ела. Пойду к себе. – Быстро стягиваю с обеденного стола два кусочка чёрного хлеба.

– А наша компания тебя не устраивает? – недовольным тоном говорит мама и внимательно наблюдает за мной.

– Правда, Ио. Что с тобой? Даже для тебя ты странно себя ведёшь.

– Я обещала в это время связаться с Рикой.

– И будешь разговаривать с набитым ртом, да ещё и рядом с ноутбуком? – Мамин взгляд суров и непреклонен.

– Я сяду подальше, – глупо улыбаюсь и убегаю.

Теперь и моя семья окончательно убедилась, что я ненормальная. Он, наверное, идёт позади, но его даже не слышно. Открываю дверь в комнату, а Дейтевиан уже сидит на моей кровати.

– Как ты?.. – Я оглядываюсь на дверь, потом снова на него.

– Что? – Как бы не понимая, что я хочу спросить, Дейтевиан с равнодушным видом смотрит не меня. – Долго же до тебя доходит, – он переводит взгляд на горку риса.

– Ты же сказал, что не ешь. – Я протягиваю тарелку.

– Я такого не говорил.

Если вспомнить разговор, то он действительно конкретно ничего не сказал.

– Ну, прости, я не поняла твоё молчание. – Язвительно замечаю я и не знаю, куда мне деться. – Ой, я забыла ложку! Сейчас принесу.

– Я взял уже.

Я оборачиваюсь и вижу, как Дейтевиан наполняет ложку рисом.

– Так значит, ты всё же ешь. – Наконец я усаживаюсь на сложенный диван Иты, подальше от него.

– Чтобы просто насладиться вкусом.

– И всего-то? Выходит, ты ешь просто ради удовольствия, а не чтобы организм получал необходимую энергию.

– И что? Так делают многие люди. А есть что-то плохое в том, чтобы получать удовольствие?

Его вопрос заставляет меня задуматься.

– М-м, очень даже неплохо. – Дейтевиан ложку за ложкой кидает в рот. – Сразу чувствуется – не ты готовила.

– А ты прям знаешь, как я готовлю. – Я хмурю брови и надуваю губы.

– Но еда тогда сгорела.

Так и хочется взять и треснуть по голове чем-нибудь потяжелее, чтобы неповадно было подсматривать за людьми. Но сейчас он слегка причмокивает. В подобные моменты я забываю, что он демон.

Дейтевиан доедает и с довольной ухмылкой смотрит на меня.

– Думаю, стоит поблагодарить Раю. – Дейтевиан встаёт и направляется к двери. Я же не сразу понимаю, о ком он говорит.

– Постой! Ты же не можешь выйти вот так, тебе здесь вообще быть не должно! – Я преграждаю ему путь.

– Ио, разговаривай тише! В коридоре аж слышно.

Кричит Ита за дверью, и я слышу её шаги. Чёрт, она сей-

час войдёт. Я бегу к двери, а ручка уже опустилась, и нога появляется в проёме.

– Нет! Нет, подожди! – Я захлопываю дверь, чуть не прищемив нос сестре.

– Эй! – Недовольно восклицает Ита. – Иоланта, ты что творишь?

– Я... я не одета! – Слова выскакивают быстрее, чем я успеваю их обдумать.

– Что ты несёшь? Впусти меня! – Упорно борется Ита.

Её толчок заставляет отлететь меня от двери, и я падаю на пол, приземлившись пятой точкой. Откуда в этой маленькой хрупкой девушке столько сил?

– Да что с тобой не так? – Ита врывается в комнату и встревоженно смотрит на меня. – Ты уже неделю как сама не своя! – Она опускается на колени и садится на пятки напротив меня. – Расскажи мне, что случилось.

– Ничего.

Мне стыдно, что я вру, но как я могу объяснить весь бред, происходящий со мной сейчас.

– Ио, прошу, не закрывайся от меня! Я вижу, что ты всё больше и больше отстраняешься от меня, от мамы. Постоянно напряжена или витаешь где-то в облаках.

– Но со мной, правда, всё хорошо.

Видно, что Ита мне не верит, и её зелёные пронизательные глаза пытаются выведать у меня правду.

– Ладно, я не буду больше доставать тебя расспросами. –

Наконец, сдаётся она.

Ита обнимает меня, и у меня начинает хрустеть что-то в спине. Да, она очень сильная.

– Просто знай, что чтобы не случилось, я поддержу тебя в любом случае.

– Я не беременна.

– Уф, слава Богу! – Я чувствую её моральное облегчение и освобождение от её объятий. – В любом случае знай, мы всегда с тобой и никто и ничего не сможет нас разлучить.

– Я знаю.

– Мам! – кричит Ита, выбегая из комнаты.

Побежала успокаивать маму. Почему сразу нужно предполагать именно беременность, хоть пусть лучше думают так, чем догадываются об истинности моего поведения.

– Это было забавно.

– Что именно? Наша забота друг о друге? – Я встаю с ковра, готовая к нападению.

– Я имел в виду, как ты шлёпнулась.

Мне становится неловко, что я так сразу набросилась на него, думая о его злорадстве.

– Но и ваши припудренные нежности было не менее смешно наблюдать.

Чёрт!

– Вот же я дура!

– Согласен.

Я хмуро смотрю на его безмятежное и честное лицо.

– Я постоянно забываю, что ты может становится невидимкой. А откуда ты знаешь, как зовут мою маму? – Вдруг вспоминаю я тему, на которой прервали.

– Ты слишком быстро забываешь про моё умение обманывать человеческий глаз.

– Ты следил за моей мамой? – мой тон снова звучит угрожающе.

Дейтевиан закатывает глаза, слишком часто он стал это делать.

– Повторю ещё раз, для особо недоверчивых, я не ма-
ньяк-извращенец! Я здесь достаточно долго, чтобы всё
узнать.

Какой же он высокомерный. Дважды побывал у меня дома, и думает, что уже всё знает о моей семье и обо мне. Хотя может быть и так, жизнь моя не настолько интересна и богата событиями, чтобы долго над ней гадать.

Он молчит, смотрит на меня, и я замечаю, как начинаю утопать в сиренево-лиловой глубине.

– Нужно отнести посуду. – Говорю я и проскальзываю к столу, а затем поспешно покидаю комнату.

Уже почти час ночи, а я сижу рисую, хотя вставать завтра опять рано. Но, по крайней мере, я рада, что меня вновь тянет заняться делом, благодаря которому я становлюсь счастливее и немного увереннее в себе. И всё было бы великолепно, если бы позади меня не находилась подозрительная чёр-

ная фигура.

– Ты собираешься всю ночь здесь просидеть? – спрашиваю я шёпотом, чтобы Ита не проснулась.

– Да.

– То есть ты хочешь, чтобы я совсем не спала? – Я оборачиваюсь и смотрю на парня, лежащего на моей кровати.

– Я тебе мешаю? – спокойно, и видимо не догадываясь, к чему я клоню, спрашивает меня Дейтевиан.

– Конечно! – Шёпот переходит в обычный тон.

Ита ворочается во сне. Я понижаю голос.

– Ты хоть бы сапоги снял ради приличия и гигиены.

Опять закатывает глаза и долго не сдаётся под напором моего грозного, как мне кажется, взгляда, но похоже моя злость вызывает у него только улыбку. Дейтевиан всё же снимает сапоги. Босой? Демоны что носки не одевают? Какие мощные и уверенные линии ног, с совершенно нетронутой кожей, словно эти ноги никогда и не ходили по этой грешной Земле. Они настолько эстетичны и притягательны, что я как художник, немало времени потративший на изучение особенностей анатомии человека, безумно хочу дотронуться до них, чтобы прочувствовать каждое сухожилие, каждую выступающую косточку. Он вновь скрещивает ноги и подкладывает руки под голову, лёжа на спине. Свет от настольной лампы не так ярок, а голова его на противоположном краю постели, поэтому часть лица мне его плохо видна, но блеск его хищных глаз я вижу и ощущаю отчётливо.

– Додумался тоже в обуви разгуливать по дому, да и ещё и на кровать улечься. – Отворачиваюсь я, чтобы больше не поддаваться соблазну.

– Хватит бубнить.

Хочется повернуться и показать язык, но боюсь, что в ответ он продемонстрирует мне свой, и тогда даже в темноте будут заметны мои горящие щёки.

– Зачем ты делаешь это?

– Что?

– Рисуешь. Как-никак даже самые достойные работы пропадают в истории, а эти любительские наброски тем более.

– Это не так уж и важно – сохранятся ли они в будущем, будут ли ценными для искусства. Я просто хочу это делать, потому что я вижу себя в этом. По крайней мере, это единственный путь, по которому я смогу пройти, постараюсь пройти.

Сейчас я сама себе удивляюсь, как я легко выдала ему свои мысли. Я поворачиваюсь, не слыша в ответ язвительных фразочек, и вижу Дейтевиана, который смотрит в потолок или куда-то вдаль. Его лицо ничего не выражает, только лиловые глаза перестали блестеть.

– Тебе же что-то нравится?

Молчание.

– Это был вопрос!

– Мне нравится забирать силу. – Его глаза сверкают голодом.

– Я немного другое имела ввиду. – Становиться не по себе. – А ты даже сейчас получаешь от меня... ну эту, силу?

– Да, но она доходит до меня слишком слабо.

– И хорошо. Нечего высасывать её всю из меня. – Я злобно улыбаюсь.

– Но я хочу больше.

Я слышу, как скрипнула кровать. Куда он собрался идти? Жар вдруг прокатывается по спине, а сердце начинает колотиться с двойной силой. Дейтевиан стоит сзади, нет, он уже наклонился, и я чувствую его тёплое дыхание возле шеи, вынудившее всё тело содрогнуться тонкими искрящимися частицами.

– Когда я ближе, то получаю больше силы.

Его приглушённый голос заставляет взъерошенному теплу пробежать от волос на голове до кончиков пальцев на ногах. Зачем он так делает? Он же прекрасно понимает, как он действует на меня, это трудно не заметить.

– Но мне пока достаточно и того, что я забираю сейчас.

«Пока»?

Волнующая дрожь остаётся ещё со мной, даже когда он возвращается на кровать. Что же я делаю? Никаких демонов, которые хотели бы меня убить, поблизости нет, а я разрешаю одному из них быть на расстоянии вытянутой руки. Попахивает маразмом. Да нет, это я вновь чувствую холодный запах металла. Не знаю, к чему меня всё это приведёт. Скорее всего, к потере души. Наверное, это страшно – лишиться ду-

ши, даже если мы не видим её, порой не знаем, что она собой представляет, но иногда можем чувствовать её просьбы, крики, её сомнения, мечты.

Глава 6. Красные, синие и зелёные фишки

Нужно лечь в кровать. Но, блин, она занята. Выгнать его, да и всё!

Открываю глаза, а передо мной потолок, и голове как-то мягко. Оказывается, я уже в постели. На столе рукой нащупываю телефон: до звонка будильника осталась минута. Значит, ночью я заснула прямо за столом, а он перенёс меня на кровать, да ещё и укрыл одеялом. Кажется, в комнате его нет, или я опять его не вижу. Раздражающая мелодия оглушает меня, и я быстро вырубая будильник. Но прежде чем встать с кровати заглядываю под одеяло. Уф, можно облегчённо выдохнуть – на этот раз он не раздел меня.

– Ита, вставай. Работа ждёт тебя!

– Ом, – что-то невнятное выкатывается из спящего сознания Иты, и она отворачивается к стенке.

– Поднимайся, бездельница!

Я уже собираюсь выйти из комнаты, как тут же получаю в спину подушкой. Но быстро отправляю снаряд обратно, пока мой сонный противник не успел укрыться.

Быстро в душ. Смотрю на себя в зеркало: синяки под глазами, снова обещаю лечь спать пораньше, а кожа бледная, дефицит солнца сказывается на нехватке меланина; что уж

говорить про фигуру.

Выхожу из ванной с упавшим настроением. Мама уже ушла, а Ита встала вслед за мной и гремит на кухне. Захожу в комнату, на ходу снимая халат и наклонив голову, вытирая волосы полотенцем. Мы привыкли жить в нашей женской компании, поэтому спокойно можем позволить себе не всегда выглядеть презентабельно, посему халат я не глядя кидаю на кровать.

– Я, если что, здесь. А то снова назовёшь меня извращенцем.

Я вскрикиваю. На стуле возле окна сидит Дейтевиан, скрестив руки на груди и положив ногу на ногу, и хмуро на меня смотрит. Благо на мне есть трусы, а верх я могу прикрыть полотенцем.

– Чёртов извращенец!

– Ну вот, опять.

– Какого лешего ты здесь делаешь? – Я готова его прибить, жаль он не видит моего гневного лица из-за мокрых растрёпанных волос.

– А он-то здесь причём?

– Кто?

– Леший.

– Прекрати издеваться! И хватит появляться из неоткуда, когда и где тебе вздумается!

– Что ты так кричишь? – Дейтевиан театрально зажмуривается, показывая, что я слишком громко отреагировала. –

Я уже видел тебя в нижнем белье.

Ага, осталось только без! Щёки начинают краснеть от собственных мыслей, а он улыбается, считая, что это из-за стеснения.

– Ты что, из пещеры только что вышел? Неужели нельзя быть немного деликатнее.

– А зачем? Это нужно тем, кто не может подойти и взять то, что он хочет.

– Ах да, я забыла, что Вы не умеете вежливо просить.

– Как и Вы.

Моя злость начинает брать надо мной верх, мне хочется зашвырнуть в него тяжёлым кирпичом, но данного предмета, к сожалению, под рукой не оказывается, как и вообще чего-либо.

– Ты специально?

– Что? – глаза Дейтевиана подло сверкают.

– Хочешь меня разозлить? Можешь не отвечать, я и так уже поняла по твоей улыбке.

Злость улетучивается, и на смену ей мчится обида.

– Ты хочешь, узнать, как пробудить силу жрицы или нет? А для этого нужно найти источник, то, что тебя побуждает высвободить силу: страх, гнев, отчаяние.

– Да, и лучший способ для этого – застать девушку врасплох, унижить и обидеть.

Я хватаю халат, поворачиваюсь к двери лицом и бросаю на пол полотенце. Мне уже всё равно, что он там видел – не

видел, мне неприятно, что он пытается высвободить силу такими методами. Волосы до пояса закрывают спину, а остальное, да и Бог с ним, всё равно не на что смотреть! Натянув халат, я поворачиваюсь.

Тёмно-лиловые глаза сверкают, окрасившись в более красные тона. Ноздри раздуваются, а челюсти сжимаются со страшной силой. Пальцы с силой сдавливают подлокотники стула, и кажется, он сейчас прыгнет и загрызёт меня. Вот это ярость. Я действительно пугаюсь и спешно выхожу из комнаты.

Позавтракав, застаю комнату пустой, но я думала всё же он там. И когда уже иду на работу, всё ещё надеюсь, что он идёт позади или рядом, только не видим для меня. Как только открывается дверь в магазин, я жду, что зайдёт чёрная фигура. Видимо, я слишком была груба с ним, но и он тоже хорошо!

После обеда мне позвонил друг из академии и сообщил, что все должники, в конце концов, сдали проекты и закрыли сессию. И следовательно, такое событие обязательно подлежит пиршеству. Мои друзья любят внезапно собраться и уведомить об этом уже в последнюю секунду, в лучшем случае за сутки.

Веста, разумеется, заметила моё, мягко говоря, невесёлое настроение, но я быстро натянула улыбку, чтобы не было лишних расспросов. Но, думаю, она и так поняла, что сегодня меня беспокоить не стоит.

И вот я уже иду в бар, вроде одежда не пропахла кормами для животных, поэтому даже не забегаю домой переодеться.

– Опять ты в джинсах. – Кудрявая брюнетка встречает меня возле входа в бар.

– Я с работы.

– Могла бы зайти переодеться, ещё даже половина народа не пришла.

Рика никогда не церемонится, и всё что у неё возникает в голове, тут же появляется во внешнем мире, обретая форму слов. Если бы я её не знала то, посчитала бы это зазнайством, но она всегда открыта и прямолинейна.

Мы заходим в бар. И мои лёгкие сразу наполняются дымом сигарет. Я морщусь, с трудом сдерживаюсь, чтобы не чихнуть, и даже не хочу тратить силы на возмущение. Сегодня мне всё равно.

Рика показывает на столик с диванчиками в углу, там уже сидит несколько наших одноклассников. Мы подходим к зарезервированному столику, где нас радостно приветствуют, и тут же сыплются рассказы про злых и вредных преподавателей. В течение получаса собирается вся группа, и мы можем начать наше веселье.

– Почему ты не хочешь выпить?

Снова начинаются эти разговоры, и заводит их уже изрядно покосившийся Саня. Я запикиваю кусочек кальмара в рот, показывая этим, что я не могу говорить из-за занятого

рта, и пожимаю плечами, хотя прекрасно знаю причину.

– Отстань от неё, ты же знаешь, она не любит спиртное. – Заступается Рика.

– Пф, тоже мне правильная какая!

Продолжает бубнить Саня, но хорошо, что он не повышает голос в таком состоянии, иначе бы я вмазала ему по уху. Я уже привыкла к тому, что он постоянно ко мне цепляется по этому поводу, посему даже не обращаю внимания на его болтовню. Ох, да, если бы причина была именно в правильности, я была бы не против.

Шатен с голубыми глазами продолжает бросаться шуточками, даже не замечая, как у него из бокала отливают пиво. Он самый болтливый парень, которого я когда-либо встречала. Его говорливость часто выручает его, особенно когда лентяйство берёт над ним верх. В общем, вся трудоспособность заменена недержанием речи.

Я допиваю безалкогольный мохито, и официантка уносит мой стакан и тарелку из-под салата. В основном ела только я, все остальные наполняли животы исключительно напитками. Но мне всё равно весело, хотя и чувствую себя немного неуютно в компании. Посылаю маме обещанное сообщение, что со мной всё хорошо, и чтобы она не переживала, а ложилась спать.

Время летит и уже подходит к полуночи. Часть группы переместилась ближе к бару, в том числе и Рика. А я наблюдаю, как она ловко и непринуждённо кадрит парня. Я так не

могу, да и толку никогда не бывало от моих попыток. Даже у коварного и похотливого демона, я не вызываю никаких чувств, кроме как ненависти и жажды моей силы души. В мыслях я ставлю кавычки к слову «силы», и не сразу замечаю, что показала их пальцами обеих рук. Хорошо, что никто не заметил, все поглощены беспечными разговорами, хотя иногда и проскальзывают философские темы. Я слишком увлекаюсь, когда думаю о нём.

Дейтевиан... Не видела его целый день. И мне уже не хватает его ухмылки тонких губ, немного раздражённого голоса, задумчивого глубокого взгляда. Я скучаю по нему? Не хочу скучать, не буду!

– Ты чего вертишь головой? – с вызовом смотрит на меня Саня. – Не согласна со мной?

– Нет-нет! Всё верно говоришь.

Интересно с чем я согласилась?

А вдруг он ушёл. Совсем ушёл. И я больше не увижу эти прекрасные черты завораживающего лица, чёрные растрёпанные волосы, широкие уверенные плечи, большие сильные руки...

– Ио, у нас проблемы!

– Что?

Я прихожу в себя, оглядываюсь по сторонам, за столиком никого, только на диване съезжившись, похрапывает один из наших.

– А где Рика?

– Она ушла недавно с каким-то парнем.

Отлично, кинула меня, значит. Я смотрю в телефон: уже первый час ночи.

– Что случилось? – спрашиваю я Алёну, в глазах которой испуг.

– Я не знаю, что нам делать! Саня вляпался в очередную историю, а половина наших уже сбежала. – Начинает тараторить худенькая и рыженькая девушка.

– Успокойся, сядь. – Я тяну её за руку на диван.

– Да, как тут успокоиться? Где взять столько денег? – Она закрывает ладонями лицо.

– Он что-то разбил? – Я поглаживаю её по спине, в надежде как-то унять тревогу.

– Хуже. Намного хуже. – Она всхлипывает. – Проиграл.

Я не могу понять о чём речь, и только хочу спросить, как она перестает дрожать и, смотря большими глазами в слезах, хватает меня за плечи.

– Он сказал, что ты умеешь играть! Прошу, помоги.

Алёна, крепко сжав мою руку, ведёт по залу. Проходим мимо барной стойки и заворачиваем в небольшой коридор, который я даже не замечала. Вижу две сливающиеся со стеной двери, ведущие неизвестно куда. Мой проводник дёргается за ручку ту, что ближе.

Передо мной появляется довольно неожиданная картина.

– Как им разрешили здесь играть? – спрашиваю я шёпотом у Алёны.

– Похоже, что у них здесь всё схвачено.

Подпольное казино. Не думала, что окажусь в подобном месте. Помещение небольшое, но всецело вмещает стол с традиционным суконным зелёным покрытием. Помимо стульев, что приписаны игрокам, у дальней стены стоит кожаный тёмно-коричневый диван. Свет рассеянный, а сама комната вся заполнена сигаретным дымом. Я чихаю.

– Будьте здоровы!

Я, сдерживая следующий чих, смотрю в сторону стола и неопределённо обращаюсь:

– Спасибо.

За овальным столом расположилось шестеро взрослых мужчин и один придурок. Саня смотрит на меня умоляющими и растерянными глазами.

– Так ты за её юбкой хочешь спрятаться? – небритый мужчина в кожаной куртке показывает на меня.

Саня полностью раздавлен, как и его самолюбие, а паника застыла на лицах наших друзей, что забились на диване, но зато все протрезвели. Похоже, они хорошо вляпались. Но чтобы им помочь, мне нужно спрятать свою неловкость, трусость и сомнение.

– Я не ношу юбок. – Я уверенно подхожу к столу. – Вы позволите?

– Разумеется. – Отзывается лысый игрок, вертя телефон в руках.

Саня соскакивает со стула, предлагая мне занять его ме-

сто.

– Сначала мы сомневались, стоит ли давать возможность отыграться. – Другой участник сборища втягивает дым кубинской сигары. – Но сейчас можно с уверенностью сказать, – маленькие свинячьи глазки на расплывшемся лице оценивающе осматривают меня. – Замена игрока ничего не изменит.

Стая начинает гоготать. Но меня нисколько это не волнует. Возможно, на их месте я бы тоже так реагировала, ведь мой вид не вызывает признания меня в качестве достойного противника. Однотонная футболка с нелепым рисунком, джинсы, кеды, завязанные в конский хвост волосы, лёгкий макияж не прибавляют мне баллов к общему впечатлению.

– Господа. – Обращаюсь я к ним, но до господ им, как до луны на воздушном шаре. – Давайте приступим.

– А ты, похоже, не так проста. – Говорит сидящий на первом и слева от меня стуле худощавый мужчина, смотря на меня поверх очков. – Или просто выпендриваешься?

– Это только он может выпендриваться. – Я, махнув рукой, большим пальцем показываю назад, зная, что некогда болтливый парень вцепился в спинку стула и сейчас стоит помалкивая. – А я играю.

Кажется, я чрезмерно самоуверенна, но собравшихся за этим дьявольским столом это только забавляет.

– Сколько ты им должен? – Не оборачиваясь, спрашиваю я.

– Шесть тысяч.

И наверняка зелёными бумажками. Я не подаю виду, но сглатываю. Да мне до утра придётся здесь сидеть!

– Ладно, разберёмся. Отойди.

Чувствую, что никто не сдвинулся с места, тогда рыжеволосая девушка отводит его к дивану. Век бы не видеть эту пьяную рожу, но сейчас она охвачена ужасом, поэтому ничего не остается, как постараться вытащить бедовую задницу.

С чёрной бабочкой на белоснежном воротнике и невозможным неподходящим для данного сборища видом крупье мешает карты. Я присматриваюсь и узнаю в молодом человеке одного из официантов бара.

– Позвольте узнать ваше имя? – Спрашивает игрок под номером один.

– Иоланта.

Теперь в глазах я вижу их интерес. Ну, хоть имя придаёт мне солидности.

Полный мужчина, сидящий по левую руку от дилера, бросает в цент стола фишки, выдыхая смог сигаретного дыма.

– Ой! – Вырывается у меня.

Совсем не соображаю, что творю. Как я села играть, не имея при себе денег, достаточных для такого рода игр.

– Я одолжу вам парочку фишек. – Мужчина в очках двигает ко мне стопку фишек.

Быстро он сообразил, я начинаю сожалеть о своём мнимом героизме.

– Спасибо, я вам верну. – Я тоже кидаю фишки того же цвета и количества.

Снова раздаётся гогот.

– Ты хоть раз играла в Техасский холдем? – спрашивает лысый мужчина справа от меня.

– Не совсем. – Я знаю, что сейчас будет, но врать уже нет смысла.

– Всё гораздо прозаичнее, чем я предполагал. – Хохочет мужчина, что его пузо подпрыгивает.

– Но я смогу продолжить?

Игроки переглядываются, а дилер-официант смотрит на меня, как на сумасшедшую, приподняв бровь.

– Стрит.

У всех без исключения падают челюсти.

Я села играть за покерный стол, толком не зная правил. Я лишь помнила комбинации, а остальное мне в принципе и не нужно. Я редко проигрываю в карточных играх, а если бы для карт была важна только удача, тогда я бы вообще не знала поражения. Это единственная моя суперспособность. Видимо всё жизненное везение, которое у людей расходует-ся на находку золотых часов, мимо упавшей сосульки, во-время пришедшего автобуса у меня накапливается и потом эффектно проявляется в картах.

– Новичкам везёт. – Невинно говорю я и захапываю горку фишек.

Это знали мои друзья, так как однажды я выиграла у них много желаний, за которые они отдувались целую неделю, и зареклись больше не брать меня в соперники по карточным играм.

– Хватит уже мешать, раздавай. – Нетерпеливо рявкает мужчина в куртке напротив меня.

После моей первой победы лица бывалых игроков сосредотачиваются и внимательно наблюдают за мной и моей реакцией. Теперь начинается самое сложное – не показывать свои эмоции. Это даже труднее, чем думать и следить за игрой. Основная надежда всё равно остаётся на удачу.

Три короля. Неплохо, но что-то мне подсказывает, что у моего соседа лучше комбинация. Его хитрые глаза засвечиваются очками, на которые падает свет, и я не могу точно прочесть его реакцию. А на пятом стуле сидит пугающий тихоня, который молчит и вообще ни разу не шевельнул мышцей лица. Ладно, игра только началась, я ещё успею отметить их маленькие подсказки, главное не разозлить мою удачу.

Пару раз я уже проиграла, но ставки были небольшие, так что отыграться успею. Да уж, они серьёзные противники, которые опираются на более реальные вещи, чем я. Но удача для меня очевидна, нужно просто верить в свою счастливую звезду.

– Фул-хаус.

Фишки разлетаются по всему столу. Здесь становится

опасно.

– Что за фокусы? – Мужчина, напротив меня соскакивает и кричит.

– Это всего лишь игра, успокойтесь. – Говорю я выдержанно, стараясь не вызвать ещё большей злобы.

– Игра? Да как ты смеешь мне указывать!

Мужчина обходит стол и направляется ко мне. Я испуганно смотрю на него, и думаю, что мне конец, но парни, что сидели на диване, вдруг оживают и встают стеной.

– Похоже, что мы отыгрались. Там, – Саня показывает на фишки возле меня. – Больше шести тысяч. Думаю, мы в расчёте.

Взбешённый мужчина явно не доволен, что его остановили, и хочет продолжить своё движение, но тот, что с сигарой разрешает ситуацию.

– Да, всё верно. Вы можете быть свободны.

Господи, неужели пронесло. Все живы и здоровы, надо поскорее сваливать.

Алёна радостно, но всё ещё под впечатлением подбегает ко мне. Трое парней, не спуская взгляда с всплывшего игрока, огибают стол и направляются к двери. Я встаю, и обвитая руками рыжеволосой перепуганной больше моего девушки, следую за парнями.

– А она останется.

– Что? – кто-то кричит вместо меня.

– Она никуда не пойдёт, а останется здесь. – Командует

всё тот же зажавшийся мужик, сигарой показывая на меня.

– Мы так не договаривались! – Выступает вперёд Саня.

– Мы с тобой вообще договаривались, что ты завтра бабло принесёшь. А видишь, как получилось. – Пожимает плечами главарь, делая вид, что он тут совсем не причём.

– Но... но... – пытается что-то вставить мой говорливый друг.

– Ты свободен! Не слышал, что ли? – вступает в перепалку лысый.

– Свалите уже!

Все оборачиваются на голос. Сердце моё подпрыгивает, и я не верю своим глазам. В дверях стоит чёрная фигура. Его вид серьёзен и холоден.

– Ты ещё кто? – Слышу я позади голос из-за стола.

– Место игрока освободилось, я займу его.

Дейтевиан бесцеремонно направляется прямо к столу. Парни, видя, что высокий незнакомец идёт напролом, расступаются по сторонам, и я тоже.

– Ага, размечтался. Проваливай! – хриплый голос уже остывшего игрока, вновь набирает обороты.

Но Дейтевиан будто не слышит его и присаживается на моё место. Все сидят в потрясении, но уже собираются наброситься.

– Этого будет достаточно, чтобы войти в игру.

Дейтевиан швыряет на стол чёрную сумку, на которую я прежде даже не обратила внимания. Лысый мужик, подозри-

тельно глядя на странного незнакомца, вытряхивает содержимое сумки, и на стол вываливается несколько зелёных перевязанных пачек. Даже у тех людей, чьи карманы рвутся от жадности, алчно загораются глаза при виде денег.

– Детишки, вам здесь делать нечего. – Лысый делает выпроваживающий жест. – Сейчас начнётся настоящая игра!

Парни стоят как вкопанные.

– Вы что не поняли? – Вызов ярко выражается в голосе бритого широкоплечего мужчины.

Алёна тянет меня за руку. Замечая это, невысокий мужчина в кожаной куртке настойчиво повторяет.

– Девчонка остаётся!

– Без неё мы не уйдём!

Хоть и слегка подрагивая голосом, Саня не намеревается бросать меня, а парни, поддерживая его, ещё больше выпячивают грудь. Всё-таки есть у них достоинство мужчин.

– Всё в порядке, ребята. Вы можете не переживать, я справлюсь.

– Но мы не можем бросить тебя!

Саня отпирается и озадаченно смотрит, но сообразив, что преимущество не на нашей стороне и бой, какой бы он не был, не выиграть, обречённо соглашается.

– Хорошо, мы будем ждать тебя за дверью.

– Да вас из бара выпроводят раньше, чем вы успеете унести свои задницы из этой комнаты. – Ухмыляется всё тот же грубиян.

– Обещай увести его отсюда. – Шепчу я на ухо Алёне.

Она кивает, но смотрит на меня с тревогой:

– Но как же ты?

– Я в безопасности.

Алёна ещё раз кивает. Она поверила словам, видимо моя уверенность выразилась и на лице.

Ребята уходят, бросая на меня волнующиеся взгляды, а я в ответ улыбаюсь, однако это их похоже несколько не успокаивает. Но мне не страшно, потому что я не одна. Я замираю на месте и смотрю на Дейтевиана.

– Деточка, иди присядь пока.

Как же мерзко это прозвучало, особенно от этого надменного мужчины, охваченного дымом очередной сигары.

Не опираясь на кожаную спинку, сижу на диване и наблюдаю за профилем Дейтевиана. Он явно пришёл спасать меня, но даже ни разу не взглянул в мою сторону и вообще ведёт себя, словно мы незнакомы.

– У такого человека должно быть весомое имя, известное в обширных кругах. Не назовётесь, чтобы мы знали, кого благодарить за столь щедрый взнос. – Деловым тоном говорит ещё более вздувшийся главарь.

– Нет. – Отрезает Дейтевиан.

Странно, он неразговорчив, хотя обычно любит вставить своё слово. А говорят они с ним на равных. Он выглядит, конечно, более взрослым по сравнению со мной или ребятами, но среди всех сидящих за этим столом, он самый молодой. А

может вовсе так статься, что Дейтевиан старше их всех вместе взятых. Надо будет узнать у него. Но во всём виноваты деньги – ослепляющие корыстью и позволяющие закрывать глаза на истину вещей.

Некоторые участники подпольного заседания выглядят разочарованными: хотели обзавестись новым знакомством, которое могло бы пригодиться, а их предложение бесцеремонно отклонили. Но если бы они знали, кто с ними собрался играть в карты, то струсил бы и сами отказались связываться.

– Поменяйте на фишки. – Обращается главарь к дилеру-официанту.

Мгновенно куча денег превращается в несколько стопок разноцветных фишек.

– Если я ни разу не проигрываю, то девушка уходит со мной.

Это была не сделка, и даже не условие, а безоговорочная констатация факта.

– А ты не слишком самонадеян? Собрался выиграть у нас все деньги, да заодно удачливую девчонку захватить? Много болтаешь, а на деле, верняк, сдуешься через полчаса. – Несдержанность вновь впереди мужчины, но он странно двигается, будто куртка становится ему мала.

– Принимается. – Объявляет главарь, не сводя азартного взгляда с каменного лица.

– Чё-ё?

– Да успокойся ты. – Прерывает гневно-удивлённый возглас мужчина в очках. – Разве тебе не интересно, как эта самоуверенность сгинет с его лица, когда он останется ни с чем. – Его хитрые узкие глаза следят за невозмутимой личностью.

Что происходит дальше я не замечаю, за игрой не слежу, всё моё внимание приковано к игроку в чёрном. В отличие от небрежных бросаний соперников, его движение выглядит совсем иначе – плавно и твёрдо под целенаправленным изгибом руки, ещё в воздухе выстраиваясь в точную линию, красные фишки раскладываются на стол. Длинные тонкие пальцы спокойно и уверенно держат карты чуть ли не в открытую, не боясь прозорливого интереса со стороны соседей. Лицо ничего не выражает, в глазах не играет азартный огонёк, и даже профессионалы своего дела не смогут разгадать мысли этой мраморной статуи, а я так тем более.

Не знаю, сколько времени уже прошло. Я лишь только слежу за руками, которые выдают красивые комбинации карт, и судя по возмущённым возгласам, всегда выше соперников. Больше не слышу позвякивания льда о стенки стакана с виски, но уже поздно держать рассудок незатуманенным. У этих высокомерных шулеров нет ни единого шанса выиграть. Я вот ни за что бы не села играть с демоном в карты.

Он встаёт. Что случилось?

– Ты жульничал!

Меня пробуждает крик и грохот стула.

– Невозможно ни разу не проиграть! – Лысый мужчина тоже встаёт.

Дейтевиан спокоен, но его противники не готовы просто так отдавать столь весомый выигрыш, как гору зелёных бумажек. Неуравновешенный мужчина хватается за куртку и собирается вытащить что-то из бокового внутреннего кармана.

– Мне не нужны деньги, только девушка. – Лицо Дейтевиана становится сосредоточенным, а глаза пристально смотрят за движениями скрытой руки.

Не верю, чтобы его можно было напугать пистолетом или холодным оружием.

– Оставьте его. – Главарь закуривает новую сигару.

Грозящее напряжение только усиливается, а я не могу сдвинуться с места, пока не чувствую на себе взгляд, заставляющий меня повернуться. Я вскакиваю, мгновенно читая нетерпение в сине-лиловых глазах. Дейтевиан направляется к выходу, я спешу за ним, а шесть пар глаз следят за нашим передвижением. Я вспоминаю и резко останавливаюсь возле игрока в прямоугольных очках.

– Те фишки, что Вы мне дали в долг, я думаю, никто не будет возражать, если они будут взяты из этих денег. – Я показываю на гору фишек.

– Мисс, – Обращается он ко мне, строя из себя джентльмена. – Вы знаете этого человека? Не бойтесь с ним идти?

– Не знаю и боюсь, но ваши наглые и притворные лица я

более не могу терпеть.

Я это сказала. Да они меня сейчас на месте прибьют! Надо удирать.

Я, задравши нос, быстро иду к выходу. Готовлюсь, что меня кто-то схватит, или я получу пулю в спину. Однако Дейтевиан уверенно направляется к выходу, а по атмосфере в целом можно понять, что своей враждебной аурой он смог подавить любое желание гнаться за нами. Я закрываю дверь и преследовательских звуков за собой не слышу.

– А я думал, ты только со мной огрызаться умеешь.

Дейтевиан стоит, опираясь о стену и скрестив руки на груди, а его ухмылка на этот раз не злит меня.

– Слишком много чести для одного тебя.

Я прохожу мимо, улавливая его ещё более растянувшуюся улыбку и прищуренный взгляд. Собираюсь выбежать из этого бара, мучившего меня всю ночь, но у самого входа вспоминаю, что оставила куртку на сидении в зале. Разворачиваюсь и натываюсь на собственную джинсовую куртку: Дейтевиан демонстративно машет ею перед носом. Я незамедлительно вырываю её из рук, и даже не поблагодарив, натягивая куртку, вылетаю из бара.

Наконец-то я могу вдохнуть свежий воздух, наполненный пробуждающейся утренней прохладой. Оглядываюсь по сторонам, и к счастью никого из друзей не видно. Я спешу домой из этого адового места и, если не успею к рассвету, то точно получу нагоняй от мамы. Я шагаю вперёд и не оборачиваюсь.

чиваюсь, но точно знаю, он идёт позади. Меня это напрягает, а со стороны вовсе напоминает преследование. Не могу больше выдерживать это молчание и дыхание в спину.

– Мы просто так ушли? И они останутся безнаказанными?

– Меня не волнует, что с ними будет.

– Но они и дальше будут продолжать обманывать людей!

– Только чтобы ты перестала ныть, я могу убить их, как я и задумывал первоначально.

– Что? Нет! – Я резко оборачиваюсь и столбенею прямо перед ним.

Он на полном серьёзе и при этом так спокоен.

– Ты беспокоишься за этих мерзких людишек?

Дейтевиан останавливается, и я едва достаю ему до подбородка.

– Нет, но ведь нельзя так просто отбирать жизни.

– Можно, если они этого заслуживают. – Его глаза темнеют и устремлены куда-то в пространство.

Зачем я завела этот разговор, надо срочно его отвлечь.

– Ты не любишь играть в карты?

– Почему ты так решила? – Дейтевиан возвращается из глубин своих мыслей и возобновляет движение.

– В тебе не чувствовалось азарта и интереса. – Я подстраиваюсь под его шаг и иду рядом.

– Человеческие игры в карты действительно скучны. В отличие от людей, нас, демонов, деньги не подстёгивают, лишь близкое дыхание смерти заставляет испытывать перенасы-

щение чувств и увлечение игрой.

«Дыхание смерти». Несколько раз повторяю у себя в голове. Кто же будет играть в карты со ставками на жизнь? И зачем?

– Не ожидал, что ты разбираешься в картах.

– Да я не особо и разбираюсь, просто везёт. Ведь у меня как в поговорке, только наоборот: везёт в картах – не везёт в любви.

Зачем я ему это сказала! Теперь будет ещё одна причина надо мной смеяться. Но Дейтевиан молчит. Он явно сегодня не в духе.

– Тебя нужно защищать не только от демонов, но и от людей.

К чему он это сказал?

– Ты про тех карточных увальней?

– Я говорю о людях, что бросили тебя.

– Они не бросали меня! Они мои друзья.

– Будь они твоими друзьями, стали бы они втягивать тебя в такое дело?

Нет, что он такое говорит. Им же нужна была моя помощь. Он не прав!

– Скажи вслух.

Опять он заметил, но я не позволю говорить ему так о моих друзьях.

– Ты не знаешь их.

– Я знаю людей, этого достаточно.

Каждое слово пропитано ненавистью. И здесь даже не надо гадать, как он относится к людям. А я ведь тоже человек, значит, Дейтевиан меня ненавидит.

– Тогда надо было раньше приходит, чтобы этого не случилось. – Перевожу стрелки на него, чтобы хоть как-то убрать мрачное выражение с его лица.

– Но ты отлично справлялась. Я решил не вмешиваться.

– Я так и знала, что ты всё видел – слишком эффектно появился.

– Как обычно.

Он явно не понимает о чём я.

– Не важно, но я до сих пор не могу привыкнуть к тому, как ты неожиданно и непонятно откуда возникаешь.

Уголки губ слегка дёргаются, но не собираются тратить усилие на объяснение.

– Так ты не расскажешь, как ты это делаешь?

Пора хоть что-то выпытать у него, иначе сам он не расскажет.

– Тебе незачем это знать.

– Так ты мне совсем не собираешься ничего рассказывать?

– Именно.

Ага, сейчас, разбежался! Я заставлю тебя выложить всё о себе, или я буду не я, если не докопаюсь до сути. Но для начала надо его задобрить.

– Как я могу тебя отблагодарить за своё спасение?

– Ты уже сделала это.

– Как? Когда?

– Вчера утром.

Я уже надеялась, что не возникнет такой щекотливой ситуации.

– Я думала, ты ничего не разглядел! – Я машинально перетягиваю куртку на груди.

– Мои глаза удостоились лишь открытых плеч, что застали меня врасплох.

Прозвучало совсем равнодушно, но его голос заставил жар пробежаться по всему телу. Так та реакция была вовсе не ярость...

Я спотыкаюсь. Ноги заплелись на ровном месте, и сейчас я встречусь лицом к лицу с асфальтом. Но рука обхватывает меня вокруг талии, и вот я уже стою вертикально относительно земли.

– Зачем ты так сказал?

Спрашиваю я мгновение спустя, когда жар от его убранный руки становится почти не ощутим. Я не могу поднять покрасневшего лица и рассматриваю свои шнурки серых кед. Но он молчит. Наверняка сейчас ухмыляется, что вновь заставил меня смутиться. Но даже на такое лицо я готова любоваться вечно. Я хочу посмотреть на этот невообразимый океан лиловых красок.

Чёрные волосы блестят теплотой солнечных лучей, а глаза, что смотрят на меня, излучают сиреневую чистоту. Мы

стоим на возвышенности, и одинаково скучные дома не за-
слоняют неповторимого явления. Солнце пробивается через
ночные остатки неба, разливая оттенки от ослепляюще-жёл-
того до золотисто-обещающего.

– Хорошо, я покажу тебе.

Я не понимаю о чём он, но Дейтевиан, не давая задать во-
проса, берёт меня за руку. Я неожиданно для себя резко вды-
хаю. Я больше не чувствую опоры под ногами и словно за-
висяю в воздухе, вокруг пустота и нет ни света ни цвета. К
счастью это длится всего долю секунды, и я ощущаю теп-
ло в моей ладони, которое захватывает гораздо больше, чем
только одну часть тела. Всего за пару секунд я пережила пол-
ное опустошение и всепоглощающее упоение. Вслед за этим
я осознаю, что стою на земле, хотя уже и начинаю падать, но
непостижимым образом умудряюсь устоять. Голова кружит-
ся, а в животе начинает отзываться мой далёкий ужин.

– Эт... это что было?

Меня снова качает, и я падаю. Но чувствую под собой опо-
ру, а зрение постепенно возвращается в свойственное им со-
стояние. Я дома?!

– Это была телепортация?

В глазах ещё мутно, но я знаю, что справа стоит чёрная
фигура.

– Да.

– Круто, я тоже хочу перемещаться в одно мгновение куда
пожелаю.

И я спиной падаю на мягкое покрывало. Глаза сами собой закрываются, и я вновь улетаю.

Глава 7. Запретный плод – алый и обжигающий

Прямо под ухом грохочет музыка. Но больше раздражает жужжание, которое не прекращается. Кто-нибудь вырубите это!

Рукой двигаю по направлению звука, нащупываю джинсовую ткань, куртка вибрирует, я ищу источник раздражения. Это не будильник, кто-то звонит, но я отвечаю не глядя.

– Ио! Ио, ты в порядке?!

Меня оглушает мужской, но слегка высокий голос.

– Угу.

– Ты где? Дома?

– Ты можешь не кричать! – Я начинаю просыпаться.

Тишина зависает в телефоне, но затем Саня начинает быстро тараторить.

– Извини, что так получилось. Если бы не ты, я не знаю, что бы со мной было. Спасибо тебе! Я твой должник! Ты слушаешь?

– Да, да. – Кажется, на мгновение я отключилась, но всё же улавливаю что-то про долг. – Ты не мог подождать с извинениями? Спать хочется.

– Я бы позвонил раньше, но сам только что проснулся.

– А сколько сейчас времени?

– Около одиннадцати.

Мой мозг туго соображает, но наконец, он заканчивает обрабатывать информацию.

– Чёрт! Я опоздала на работу!

Я соскакиваю и, не зная, что делать, мечусь по комнате.

– Я потом тебе позвоню, пока!

Из телефона ещё что-то доносится, а я уже нажимаю кнопку отключения. Нужно скорее бежать на работу. Как же неудобно! Я ещё никогда так не подводила людей. Меня, конечно, не убьют, но выговор сделают, однако не это меня беспокоит, а то насколько я стала безответственной.

– Отлично, хоть одеваться не надо!

Вчера, то есть уже сегодня, меня вырубил прямо так, и последнее что я помню – это мгновенный перелёт прямо домой. Не верю, что со мной это происходит. Совсем не верю.

Я быстро причёсываю запутанные волосы, из-за спешки, похоже, половину вырываю, но сейчас не до этого. Куртку, что висит на спинке стула, решаю не брать, хотя даже не знаю, какая погода скрыта за зашторенными окнами. Моя дорогая сестрёнка даже не догадалась разбудить меня.

– Ты куда собираешься?

Не знаю, что случилось первым: пронзающий испуг или прыжок на метр в сторону. Я, округлив глаза, смотрю на худощавого парня с очаровательной улыбкой.

– Акерито? Что ты тут делаешь?

– Приглядываю за тобой. Так куда ты? – Как ни в чём не бывало, Лис без серебристых ушей улыбается мне.

– На работу. Я даже не буду спрашивать, как ты здесь очутился, потому что уже догадалась, но почему ТЫ здесь?

– А-а, ты ждала кого-то другого? – шаловливая улыбка раскрывает в нём сущность лиса. – Я шучу. Меня Дейтевиан попросил.

– А он где?

– Я не знаю, – поспешно отвечает Акерито и отводит глаза.

– Демоны что не умеют врать? Я думала, вы лучшие в этом деле.

– Ты права, особенно я мастер обмана и всевозможных хитростей. – Смеётся Акерито, обнажая белоснежные зубы и слегка длиннее естественного клыки. – Но мне не удаётся врать тебе.

– Это потому что я жрица?

Что в голове, что вслух – это звучит глупо.

– Возможно. Но может, потому что ты добра ко мне.

Мне становится приятно и неловко одновременно.

– Но ведь я ничего такого не сделала. – Я на самом деле не могу вспомнить ничего относящегося к подобному элементу.

– Ты, правда, не понимаешь?

Я хлопаю глазами.

– Ты такая наивная. А ещё невнимательная.

– Вот с этим я согласна на все сто процентов.

Акерито смеётся, как ребёнок. В жизни бы не поверила,

что он демон, если бы сама не видела.

– Ты можешь не волноваться по поводу работы. Я предупредил, что тебя не будет.

– Ты ходил в магазин? Проще было меня разбудить. Зачем ему это?

– Можно было вовсе пойти за тебя поработать, но тогда ты бы осталась без защиты. Да и невыгодно сейчас принимать твой облик.

Я вопросительно смотрю на Акерито.

– Большинство, конечно, будет искать тебя по запаху, по духовной энергии, но некоторые уже знают, как ты выглядишь, и поэтому мне не хочется, чтобы за мной гонялась туча врагов.

– А представь мне каково! – Хочется, чтобы хоть кто-то мне посочувствовал.

– Но у тебя есть лучший защитник, – Лис делает паузу. – Это я.

Он явно имел в виду не себя, но мне нравится его беспечное настроение.

Слышу позади себя поскрипывание дерева, но теперь я не наброшусь на дверь – начинаю привыкать к демоническим уловкам.

– Ио, ты встала? Ой!

Ита застревает в дверном проёме, а её взгляд проходит сквозь меня.

– А кто это?

Я не понимаю, о ком она, ведь мы сейчас в комнате как бы вдвоём. Я следую за удивлённым взглядом и оказываюсь на лице Акерито.

– У нас в комнате парень! И он явно не ко мне. Неужели это свершилось! Но я не заметила, когда он пришёл.

Я не останавливаю бред сестры, потому что не знаю какое нормальное логическое объяснение придумать.

– Ты что не умеешь исчезать? – моё шипение заглушается выкриками Иты.

– Умею. А зачем?

А я думала, он посообразительнее.

– Я всё равно собирался познакомиться с твоей очаровательной сестрой.

Акерито непринуждённо обходит меня и берёт за руку Иту, и целует тыльную сторону ладони. Ита краснеет, хотя я думала, её сложно смутить.

– Почему ты меня не разбудила? – Я возмущаюсь, как могу, только чтобы отвлечь загоревшиеся зелёные глаза.

– Но ты так сладко спала. И я подумала, что ты отпросилась с работы. – Оправдывается Ита, но не сводит взгляда с хитрого Лиса.

– Не стоит волноваться по этому поводу, я уже всё уладил. Меня зовут Акерито. А Ваше имя настолько прекрасно и удивительно, что я недостойн произносит его.

Что он делает? Пытается окрутить Иту, а ведь она такая доверчивая, особенно под влиянием смазливых мальчиков.

И какого чёрта он назвал своё мурднёное имя?

– Что Вы такое говорите, мне право неловко.

Теперь они оба заговорили, как в романе о любви девятнадцатого века. Я подхожу к воркующим голубкам и отгаскиваю Акерито назад за жилетку в тон его мягко-оранжевых кроссовок. И почему демоны не знают, что нельзя ходить по дому в уличной обуви!

– Ио, ты мне никогда не рассказывала, что у тебя есть такой воспитанный и обходительный друг.

Да я сейчас этого друга на кусочки разорву, если он не перестанет стрелять глазами.

– Тут и рассказывать нечего, он уже уходит.

– Зачем ты так сразу выпроваживаешь гостя. Давайте сначала выпьем чаю.

– С удовольствием.

Не даёт мне возразить Акерито, а Ита летящей походкой устремляется на кухню.

– Ты что вытворяешь? Почему не стал невидимым? Зачем назвал своё имя? Что ты хочешь от моей сестры? – Накидываюсь я на Лиса, как стая ворон.

– Я искренен, когда дело касается дружбы.

Отвечает на все мои вопросы одной фразой, которая приводит меня в замешательство. Я не знаю чем ответить на столь твёрдо поставленное заявление и всё, на что хватает моего красноречия – это позвать его к столу.

Я молча потягиваю чай со вкусом каких-то неестественно

переслащенных ягод, хотя я вовсе не люблю напитки с добавками, но Ита настолько увлечена беседой с загадочным гостем, что сейчас бессмысленно высказываться по поводу заваренной ей горячей смеси.

– Харита, Вы приготовили очень вкусный чай.

Я фыркаю на похвалу Акерито, но Ита даже не замечает меня, она полностью поглощена новым знакомством.

– Я рада. Только не зови меня Харитой, лучше – Ита, и на «Вы» обращаться не нужно.

– Ну, если позволите, – завоевательная улыбка проскальзывает на невинном личике. – Но что Вас... тебя не устраивает в столь очаровательном и прекрасном имени. Хотя да, я соглашусь, что оно необычно.

– Кто бы говорил.

Акерито смеётся над моим ироничным замечанием.

– Я имею ввиду, что оборожительное имя твоей сестры, не характерно для вашей местности, впрочем, как и твое, Ио.

– Это всё мама, – Ита прищуривает глаза и строит недовольную мину. – Вот у неё нормальное имя, а нам с сестрой она дала имена с подковыркой. Любит она всё самобытное.

– Ты оборожительна, даже когда сердисься. – Продолжает своё обольщение Лис, а Ита только восторженно хлопает глазками. Но она неожиданно переключается на меня:

– Сегодня рано утром мне почудилось, что у нас в комнате был парень, представляешь!

Я давлюсь чаем. Сестра поспешно хлопает меня по спине.

– А это не ты случайно был? – Ита подозрительно смотрит сначала на Акерито, затем на меня.

– Нет, это был Дей... Ай!

Я пинаю глупого Лиса по ноге.

– Что-что? – Ита вытягивается, чтобы никакая информация не проскользнула мимо неё.

– Он имел в виду, что это была дремота, вот тебе и могло померещиться. Ты просто спала.

Мой взгляд убийцы заставляет Акерито сожалеть о излишне открытой беседе.

– Жаль это был только сон, парень был такой симпатичный. – Ита томно вздыхает, устремляя свой взгляд в потолок. – Постойте-ка! Раз у тебя сегодня выдался выходной, давайте развлечёмся!

Я в ужасе сглатываю.

Я, конечно, всё понимаю, но зачем убивать меня именно таким способом! Любые действия, ведущие к падению, опрокидыванию, столкновению, ударению, ранению мне коренным образом противопоказаны, потому что непременно это со мной произойдёт.

– Ты так и собираешься сидеть? – Подъезжает ко мне Ита.

– Да. А в чём собственно проблема? Я сижу, отдыхаю.

Ита вздыхает, всплёскивает руками и закатывает глаза – всё одновременно и с большой эмоциональностью.

– Ты боишься? Давай я помогу. – Акерито протягивает

мне руку.

– Я просто знаю, что это ничем хорошим не закончится. – Я игнорирую его жест.

– Но ведь не попробуешь, пока...

– Пока не узнаешь. Да, я в курсе. Но я уже пыталась, не получается. – Я отворачиваюсь и наблюдаю за беззаботно радующимися детьми, ловящими голубой воздушный шарик, который собирается улететь подальше ото всех.

– Но можно попробовать снова.

– Но если я начну, то не смогу остановиться.

– Так может и не стоит останавливаться.

Мы что говорим о разных вещах? Многозначительная улыбка Лиса наводит меня именно на такие мысли.

– Я врежусь в кого-нибудь! – Уточняю я.

– Да это бесполезно! – Сестре уже в сотый раз надоедает слышать мои отговорки. – Поехали, покатаешься со мной. – Ита хватает под руку Акерито, чьи серебристые волосы под солнцем ярко блестят.

– Мы поедем втроём!

Я не успеваю схватиться за скамейку, как меня уже выдёргивают из сидячего положения и везут за собой.

– Подожди!

Задорность Акерито подхлестывает и сестру. Она объезжает сзади нас и берётся за мою свободную правую руку, которой я выполняла неконтролируемые размашистые движения. Но я еду, пока есть, кому меня держать. С обеих сто-

рон два весельчака, которые затягивают за собой в беспечный мир. Сегодня я точно получу перенасыщение жизнерадостной энергии.

Уф, наконец-то они отвязались от меня. Поняли, что я была права. А нечего было отпускать меня в свободный полёт, тогда я бы не сбила подростка на скейте (хорошо, что он был крепкий малый) и не врезалась бы в тележку с попкорном. Нужно учиться тормозить.

О нет, он опять едет ко мне, хорошо, что не с пустыми руками. Акерито грациозно маневрирует между прохожими, успевая одаривать всех своей улыбкой. Вот ведь хитрец – встречает каждую девушку сногшибательным взглядом. Такими темпами он скоро соберёт вокруг себя целую эскадру и, несомненно, ему нравится находиться в центре внимания.

– Ты не сильно ушиблась? – Акерито подаёт мне мороженое в стаканчике.

– Синяки для меня обычное дело, так что всё в порядке. – Я охотно принимаю утешительный презент.

– Значит, ты сможешь кататься!

– Да ни за что! Я больше ни дюйма не проеду!

Яростно отнекиваюсь, активно размахивая мороженым. Но своими буйствами, похоже, я у всех вызываю только смех.

– У тебя мороженое на кончике носа.

Уж лучше пусть над этим смеётся. Мне от одной личности через край хватает злорадных смешков.

Акерито садится рядом и достаёт из кармана жилетки од-

нотонный салатовый платок. Довольно странно, что у демона имеется носовой платок. Но Акерито совсем как человек, и ничего в нём не выдаёт его настоящей натуры, если только вежливость отличает его от людей.

Отлично, теперь он вытирает мне нос. Ещё одна нянька прямо из ада с доставкой на дом.

– Посмотри. – Я киваю в сторону площади. – Все девчонки готовы меня разорвать на мелкие кусочки.

– Ну, я же не виноват, что я такой красавчик.

Мы смеёмся, а женская половина площади готова взорваться от зависти, а парни, что со своими спутницами недобро глядят на Акерито, хотя и среди сильного пола я наблюдаю пылкие взгляды.

– А где Ита?

– Разговаривает с подругами. Поехали к ним. – Акерито берёт меня за руку.

– Я ещё мороженое не доела. – У меня появилась отличная отмазка.

– Почему ты не любишь кататься на роликах? – Лис быстро раскусывает меня.

– Ладно слышать удивление от людей, но от демона. Тебе, правда, весело?

– Да! Обожаю человеческие развлечения.

– Значит, ты не ненавидишь людей?

– Нет, конечно. Я люблю людей. Они такие забавные, беззаботные, придумывают всякие штуки, умеют веселиться и

любить. Жаль только, нельзя быть самим собой.

– Почему?

– Не все так добродушно воспринимают демонов, как ты. А уши и вовсе захотят оторвать, а не потрепать. – Грустная улыбка заставляет сжаться моё сердце.

– Прости. Я бывает забываю про это.

– Тебе не за что извиняться. Это же чудо, когда тебя принимают таким, какой ты есть.

Я улыбаюсь и киваю в ответ на его воодушевлённый дух.

– Почему ты спросила про ненависть к людям? – Акерито внимательно смотрит на меня. – Это из-за Дейтевиана? Он напугал тебя?

– Нет, нет! Я просто так спросила.

Акерито, приподнимая тонкую светлую бровь, всё больше даёт мне понять, что мои отговорки бесполезны. Я вздыхаю.

– Его ненависть настолько сильна, что я боюсь, он может навредить кому-нибудь.

– Не волнуйся, он не причинит людям вреда. А тебе тем более.

– Конечно, не кусай руку, кормящую тебя.

Акерито заливается над правдой.

– Верно говоришь, но дело не только в этом.

– О, да, у него ещё тысяча причин. – Я не смогла обойтись без сарказма.

– Поехали! – Он без усилий поднимает меня на ноги. – Я буду держать тебя за руку.

Я не без удивления понимаю для себя, что доверяю Акерито. И это пугает меня. Обычно мне требуется много времени, чтобы привыкнуть к человеку, узнать его поближе и вообще подпустить к себе, к мыслям, чувствам. Но мне хочется надеяться, что я могу положиться на него. Может, стоит рискнуть и поверить, и протянуть руку в ответ.

Действительно весело и легко, когда отбрасываешь в сторону рассуждения, заставляющие угнетать внутреннее состояние. Я устала от собственных мыслей, а терзания не дают мне смотреть на мир по-другому.

Весь день я провела с сестрой и демоном-лисом. Да, неординарный получился выходной. Но было настолько непринуждённо и просто, что я забыла обо всём, что меня тяготило. Мы обошли весь парк, попробовали все виды мороженого, что только смогли найти, а Акерито обчистил все палатки с едой. Я-то хоть могла свалить его прожорливость на животный аппетит, а вот Ите с разгадкой было сложнее. Но неуёмный аппетит Акерито её недолго занимал: она больше была увлечена теми, безделушками, что покупал ей коварный Лис, который вовсе не собирался останавливаться, так как в благодарность получал поцелуи в щёчку от белокурой красавицы. Но я Акерито предупредила сразу, чтобы даже не смел помышлять о непристойных вещах относительно моей сестры и не применял свои обольстительные штучки. Однако ему мои угрозы, что слону дробина. Ещё меня долго мучал вопрос: откуда у него деньги, которыми он с лёгкостью

разбрасывается. На что Акерито мне ответил: «Для демонов нет запретов». Отлично, он их украл, значит и Дейтевиан использовал в подпольном казино украденные деньги.

Даже через всё это непосредственное веселье ко мне постоянно врывается один и тот же образ. В любой произошедшей ситуации, в совершенно отстранённом разговоре я умудряюсь провести параллель касательно демона в чёрном обличии. Фиолетовый цвет, какого бы оттенка он ни был, пробуждает во мне воспоминания и противоречивые чувства.

Мы провели вместе целый день и, похоже, из троицы устала только я одна, зато с ними я даже потеряла ход времени. Однако пора возвращаться, мама скоро придёт домой уставшая, а поужинать и нечего.

– Между прочим, я ещё утром приготовила! В отличие от некоторых, что дрыхли после гулянки. – Обиженно возмущается Ита, идя под руку с Акерито.

Опять я о ней думаю не так хорошо, как есть на самом деле. Но я же старшая сестра, поэтому не могу ни поворчать.

– Ничего страшного, хоть раз постаралась и что-то сделала по дому.

Ита надувает губы, от чего её личико становится ещё милее и невиннее. Акерито же хихикает над нами обеими.

Они идут впереди меня, оба белоснежные, и даже сияющие не только снаружи, но и изнутри. От них просто невозможно оторвать взгляда, они оба так притягательны и

чисты. Доброта Акерито подкупает, и хочется относиться к нему с такой же теплотой. Образ коварного демона всё больше рассеивается, и боюсь, что скоро совсем забуду о его происхождении.

– Ита, ты куда? – Обращаюсь я к сестре, которая неожиданно срывается с места.

– Воды купить! – Кричит она, не прекращая бежать.

– Это я её попросил.

Пониженный и настороженный голос заставляет меня быстро перевести взгляд на Акерито.

– За нами следят.

– Что? Где?

Я вращаю головой по сторонам, но вижу только незаинтересованных людей, проходящих мимо.

– На парковке, видишь?

Я смотрю на ряд автомобилей, но все машины в одиночестве отдыхают от эксплуатации, и даже поблизости не вижу ни одного человека.

– Нет.

– Понятно. Не волнуйся, я справлюсь с ними. – Акерито хладнокровно осматривает улицу.

– Их много?

– Я насчитал восьмерых. Двое не парковке, несколько в переулках, ещё позади всё больше сокращают дистанцию.

Я непроизвольно оборачиваюсь и, разумеется, ни вижу ничего подозрительного.

– Уведи Иту, пожалуйста.

– Ты думаешь, я не смогу победить этих псевдо демонов? – Обида явно звучит в его голосе.

– Я верю, что ты легко их одолеешь. Но как это будет выглядеть, ты подумал? Ты напугаешь Иту.

– Хорошо, тогда я перенесу вас.

– Нет! Категорически нет!

Акерито удивлённо хмурится от моего ответа.

– Если мы телепортируемся, то я не смогу найти логического объяснения. Придётся всё ей рассказать, и даже если она поверит, то не знаю, сможет ли она с этим справиться. Она не такая как я, она не обрадуется тому, что ты демон. Я не хочу вмешивать её во всё это.

Собранность Акерито куда-то исчезает. А его золотисто-янтарные глаза больше не сияют, даже когда смотрят на Иту.

– Прошу тебя, уведи её.

– Неужели ты думаешь, что я брошу тебя здесь?

Непоколебимый Акерито вновь оказывается передо мной.

– Со мной всё будешь хорошо. Здесь люди.

Хотя кого я обманываю? Что людям будет всё равно, что демонов ничего не остановит.

– Во-первых, я не из тех, кто бросает друзей в опасной ситуации.

Я его друг? Он так быстро решил это и говорит об этом со всей серьёзностью. Я же долго думаю, к какой категории

относится человек в моей жизни.

– Во-вторых, я не горю желанием быть убитым Дейтевианом.

Я вздрагиваю. Это произнесённое вслух его имя заставило меня так отреагировать?

– Вот, я купила. – Ита неожиданно возникает рядом с нами. – Как ты и просил холодная, прямо из холодильника. – Она протягивает Акерито средних размеров бутылку воды.

– Благодарю, Харита. – Отзывчиво улыбается Акерито.

– Я же просила называть меня Ита. – Сестра игриво одёргивает руку с водой.

– Премного благодарен, Ита. – Акерито улыбается ещё больше, совершенно не давая повода, подумать, что что-то происходит.

– Идёмте. – Зовёт Ита за собой.

Сколько времени ещё пройдёт, прежде чем слезка прекратится, и на нас нападут. Я поняла, что переубедить Акерито не выйдет, он настроен решительно. А в итоге может пострадать Ита. Но я ничего не могу придумать и, что самое ужасное, не смогу защитить сестру и даже сделать какой-то минимум обороны, потому что попросту не вижу преследователей. Может у Лиса появился план, который решит несколько наших проблем и приведёт к исходу, устроившему нас всех. А если нет. Как же быть?

Я врезаюсь во что-то стойкое и крепкое. Пока я оборачивалась в надежде хоть кого-то разглядеть, я не заметила, как

шедшие впереди меня, остановились. Меня отбрасывает на несколько шагов назад, но я быстро восстанавливаю равновесие и угрюмо смотрю на спину Акерито. Я думала, он беспечно посмеётся как обычно, но он даже не шелохнулся, а со стороны чувствуется его напряжение. Уже всё так плохо?

– Акерито, ты чего? – Ита дёргает за руку застывшего спутника.

«Пожалуйста, Акерито, одумайся!» – много раз умоляю, крича у себя в голове.

Статуя вдруг оживает, но это оказывается вовсе не добрым знаком. Пальцы свободной руки собираются в кулак – значит они совсем рядом. Я тоже сжимаю руки в кулаки. Придётся, я хоть по воздуху махать ими буду, пусть и с малейшим шансом попасть по цели!

Моя боевая подготовка рассеивается, когда я неожиданно чувствую запах, пробивающий до мозга костей. И тут же рука падает мне на левое плечо. Я реагирую быстрее, чем мозг успевает обработать информацию. Я быстро разворачиваюсь влево, размашистым движением направляю кулак выше уровня своей головы и врезаю по лицу. Боль, шок охватывают меня. Вскрик сам собой вырывается, а я скручиваюсь, сжимая правую ладонь.

– Ио!

Испуганный голос Иты вытаскивает меня из боли, и в голове вдруг возникает лицо Дейтевиана. Нет, это воспоминание. Воспоминание за секунду до ломоты в руке.

Я открываю глаза – чёрные штаны и сапоги; вдыхаю воздух – металл и кровь.

Мне становится ещё хуже. Но кто-то не даёт мне упасть и пытается выпрямить моё скукожившееся тело.

– Ио, ты в порядке?

Слишком часто стали задавать мне этот вопрос. Есть огромное желание ответить правду, но и в этот раз я сделаю, как лучше.

– Да, всё нормально.

Меня всё ещё пытаются поставить в исходное положение, но я боюсь видеть его лицо. Сестра хоть и сильная, однако моё сопротивление оказывается упрямее. И тогда ещё пара рук хватает меня.

Я не зря боялась: взгляд убийцы смотрит на меня сверху вниз. А Акерито, что вытащил неадекватную из более безопасного положения, осматривает мои пальцы, которые ни согнуть, ни разогнуть я не в состоянии.

– Думаю, вы и без меня тут справитесь. – Сдержанно говорит Дейтевиан, явно делая намёк в мою сторону.

– Прости, – тихо выдавливаю я из себя, опасаясь навлечь на себя ещё больший негатив.

– Ты кто вообще такой? – Ита вдруг врывается между мной и Дейтевианом. – Ты что собирался сделать?

– Неважно, что я собирался, главное, что я хочу сделать сейчас.

Глаза Дейтевиана суживаются и не отрываются от меня.

– Прекрати пугать Хариту и Ио.

Слова Акерито прозвучали вовсе не как угроза, а как ограничение к забаве.

– Он совсем не пугает! Он раздражает своим невежеством!

Ита! Я, правда, недооцениваю тебя. Ты оказывается даже сильнее меня, раз можешь противостоять этому демону.

– Ита, успокойся. Всё же нормально.

– Нет, не нормально! Ты же не просто так его ударила. Значит, он что-то сделал тебе. Ты знаешь его?

– Да, встречались пару раз. Это друг моего знакомого друга.

Я в принципе и не соврала. И вместо того чтобы перестать наседавать, Ита с ещё большим подозрением смотрит на Дейтевиана. Даже поставив руки в боки и на каблуках, Ита всё равно выглядит маленькой и беззащитной перед чёрной высокомерной фигурой.

– Хотелось бы услышать выдумки и желательно наиболее изошрённые, но сейчас не подходящее время для этого.

Дейтевиан выглядит как волк, который слишком гордый и надменный, чтобы обращать внимание на маленькую собачку, что обычно просто бегают и тявкают.

– Перене...

– Акерито проводит Иту, а я останусь! – Не даю договорить я, ведь иногда и зайцы быстрее волков.

Дейтевиан и Ита смотрят на меня с одинаковым выраже-

нием лица, говорящего о моей странности. А я заглядываю в глаза Акерито и надеюсь, он поймёт мою мольбу.

– Ита, позволь, я провожу тебя. – Обескураживающе улыбается Лис.

Молодец, даже назвал её неполным именем, она точно клюнет на это.

– А почему Ио не пойдёт? – Ита растерянно смотрит то на меня, то на Акерито.

– Я должна, как следует извиниться.

Что я лягнула? Теперь каждый подумает в меру своей испорченности, а *этот* так тем более зацепиться за мою оговорку.

Акерито удостоверившись, что с моей рукой всё хорошо, и она лишь покраснела, уводит Иту за собой.

– Не забывай, что я тебе говорила! – Кричу я вслед Акерито.

Сейчас я уверена, что моя угроза более весома и действенна, поскольку теперь все знают, что я могу накостылять (правда, при этом больше навредив себе).

– И ты тоже знаешь его? – спрашивает Ита, оборачиваясь назад, чтобы ещё раз посмотреть на интригующую личность.

– Да, только не знаю к счастью это или же наоборот. – Смеётся Акерито, быстро уводя Иту.

Я смотрю на удаляющуюся парочку, пока та не исчезает из виду. И даже после, я продолжаю стоять спиной к Дейтевиану, и нет причины поворачиваться, можно и так прочув-

ствовать его проедающий тёмный взгляд.

Я снова вздрагиваю, когда меня хватают под руку и ускоренным темпом уводят. Я не успеваю перебирать ногами, и мне приходится иногда переходить на бег, дабы поспеть за длинными ногами.

– Все преследуют нас или кто-то пошёл за Итой и Акерито?

– Ты для них представляешь гораздо больший интерес, чем настырная девчонка.

– Не говори таким тоном о моей сестре!

В любой другой ситуации я бы вырвалась, но сейчас если я отцеплюсь от Дейтевиана, то упаду, не справившись с манёвром.

– В любом случае, Лис сможет защитить твою сестру. – Он делает акцент на последние два слова. Вот же вредный, но хотя бы больше не называет Иту другими словечками, пусть даже ей они очень подходят.

Дейтевиан резко заворачивает в переулок. Здесь совсем нет людей – самое подходящее место, чтобы телепортироваться. Мы продолжаем идти по пустой улице.

– Почему ты не телепортируешься?

– Я не сбегаю с поля боя.

– А я сбегаю! Так что давай, закинь меня куда-нибудь подальше отсюда!

– Да ты трусиха! – Дейтевиан, совершенно не сдерживая себя, усмехается.

– Я не хочу, чтобы ты дрался с восьмью демонами или с кем там!

– Десять. Я заставил выйти оставшихся из засады.

– Так тем более!

Мы сбавили темп, так что теперь я могу дёргать его за руку.

– Да что же вы все такие, чуть что, так сразу бросаетесь в драку!

– Кто бы говорил.

Я как раз слева от него и могу видеть щёку, которой досталось от моего кулака.

– Но ведь даже следа не осталось!

И правда, она как была слегка бледной, так и осталась.

– И поэтому можно меня бить?

Он говорит вовсе несерьёзно, но я не могу принять то, что я натворила, как за веселье.

– Прости меня.

– Прекрати уже извиняться, это я должен...

Дейтевиан запинается и молчит. Ему так сложно попросить прощения, а ведь он даже ни в чём не виноват.

Правая рука вдруг оказывается охвачена теплом, а мурашки проносятся по телу. Дейтевиан накрыл своей ладонью мою руку, вцепившуюся в его плечо. Вот за что он хотел извиниться. Не его вина, что он непробиваем, а я слишком слабая. Но пусть думает иначе, мне вот неожиданно стало легче и костяшки пальцев перестали ныть.

Дейтевиан останавливается, а меня заносит вперёд, но под его несокрушимостью мгновенно оттягивает назад.

– Ты ведь не будешь кричать?

– А должна?

Да мне уже хочется кричать и бежать, сверкая пятками, от подобных вопросов.

– Вы действительно настолько глупы, что рискнёте сразиться со мной? Здесь? Где вам негде будет спрятаться! – Если бы я не знала, что нас преследует десяток демонов, то сочла бы Дейтевиана сумасшедшим, разговаривающим с самим собой. – Не смешите меня!

Видимо ему ответили. Чувствую себя неловко.

Дейтевиан издаёт смешок и поднимает правую ногу. Она немного согнутая в колене зависает в воздухе, будто упирается в стену. И через несколько секунд он выпрямляет ногу, и затем вдалеке слышится грохот. Это несложное движение, от которого даже я почувствовала отдачу, явно кого-то неслабо отбросило.

– Я слышала, как он упал.

– Это потому что он взаимодействовал с окружающей его средой и тем более сложно полностью скрываться, когда получаешь повреждения. Да и к тому же они слабаки, поэтому даже ты можешь их видеть и слышать.

Он так охотно объяснил мне, хотя драка начинает набирать обороты.

Дейтевиан опять смеётся. Сейчас он пугает меня больше,

чем стая невидимок.

– Иди.

– Чего?

Дейтевиан отпускает и поворачивает меня на девяносто градусов.

– Ты мне только мешаешь. Сядь туда. – Дейтевиана показывает на скамейку на другом конце улицы.

Он конечно прав, я только буду путаться под ногами. Но сидеть и любоваться дракой? Тогда уж покорна дайте для полноты атмосферы!

Я под давящим взглядом в спину иду в указанном направлении. Когда дохожу до места и встаю возле скамейки, драка ещё не началась, видимо все наблюдали, как я шла, шаркая ногами.

Дейтевиан стоит, не двигаясь, только губы всё больше растягиваются по лицу. И тут без предупреждения он разворачивается и, вытягивая вперёд руку, раскрытой ладонью наносит удар. Снова грохот. Но сейчас никакой передышки, и Дейтевиан вновь поднимает ногу чуть ли не выше головы. Его удары отточены и быстры и всегда попадают по цели, которую видит только он. Но мне не мешает усомниться в точности его движений, потому что я всё чаще и отчётливее слышу стоны боли.

Какого чёрта, я тут стою прохлаждаюсь, а он дерётся с невидимками. Но я такая беспомощная и бесполезная и буду только мешаться. Это ужасно бесит! И что странно ни одно-

го человека не появляется на улице, а ведь нет ещё и шести вечера. Может это милость судьбы, что отозвала своих подопечных от этого места подальше.

Дейтевиан исчезает, и тут же появляется недалеко от меня. И я вижу человека, который взлетает вверх от апперкота. Капли крови падают на асфальт, как и тело.

– Она моя!

Почти рыча, произносит Дейтевиан. А мне так и хочется прибавить – «добыча».

Дейтевиан рывком хватает воздух и выполняет бросательное движение. Из стены дома вываливаются кирпичи, и вместе с тем проявляется фигура, которая падает вниз следом.

Я закрываю рот и нос и забываю дышать. Что он делает? Он же так убьёт их!

Но на моё удивление оба мужчины, ставшие видимыми, встают и надвигаются. Один идёт в окровавленной одежде, а другой покрытый штукатуркой и песком, и оба весьма напоминают зомби.

Сказать, что я в ужасе – ничего не сказать. Сейчас я не пойду туда, даже если волшебным образом у меня окажется винчестер или бензопила. Меня просто приковывает к месту, и даже сил нет, чтобы убежать. С каждым ударом улыбка Дейтевиана преобразуется в оскал, а глаза превращаются в тёмно-фиолетовые пятна. Я не хочу верить, что это он.

Справа от себя я ощущаю мимолётный ветерок, а теперь позади слышу хриплое дыхание. Я оборачиваюсь, и жалею,

что могу видеть то, что до этого было скрыто. Лицо, лишь издали напоминаящее человеческое, имеет болотный цвет, глаза впалые и совсем бледные без живого блеска, волос на голове почти нет, а открывающийся зубастый рот заставляет мои ноги прийти в движение. Шаг в сторону и его рука пролетает мимо моего лица. Но подобие человека снова прерывается вперёд, вытягивая костлявую руку. Я уже собираюсь развернуться и бежать, но вдруг мелькает что-то чёрное и тут же пропадает вместе с искажённым человеком.

– Ты же понимаешь, что это бесполезно.

Я оборачиваюсь, услышав незнакомый голос. На противоположной стороне улицы трое стоят недалеко от Дейтевиана, который прижал ногой к земле зелёное лицо.

– Бесполезно пытаться победить меня. – Произносит он в ответ.

Несколько врагов, разбросанных по всей дороге, начинают подниматься.

– Сколько бы вас ни было, я всех раздавлю. – Усмехаясь, говорит фигура в чёрном и надавливает на лицо.

Движения ускоряются, падшие поднимаются. А я больше не в силах на это смотреть.

– Хватит!

У меня выходит прокричать даже громче, чем я рассчитывала. Но я даже не думала, что это произведёт хоть какой-то эффект. Демоны застывают на месте. Семь пар глаз смотрят на меня, ещё одну пару уткнули в землю. Но где остальные?

– Это девчонка нужна нам! И в следующий раз мы вернёмся с теми, с кем даже ты не захотел бы сражаться.

Говорит один из тех, кто стоял на ногах, и исчезает из поля моего зрения.

– Отлично, но учтите, в следующий раз я не дам вам сбегать. – С искренним нетерпением отвечает Дейтевиан, убирая ногу с головы обездвиженного существа.

Следом испаряются и другие демоны. Вот только не ясно: я их не вижу, или они на самом деле уходят. Но судя по тому, что чёрная фигура больше не наготове и стоит, опустив голову, можно догадаться в отсутствии врагов.

Ужас всё ещё не отпускает меня. И в то же время я так зла на него, что не выдерживаю.

– Между прочим, это я тебе кричала «хватит»!

Я снова ору через всю улицу. Но Дейтевиан никак не реагирует. А вдруг он ранен.

– С тобой всё хорошо?

Дейтевиан поднимает голову, его волосы спадают на лицо, но через чёрную преграду и расстояние я замечаю блеск, промелькнувший в тёмных аметистах.

– У меня осталось мало сил. – С этими словами он делает шаг навстречу ко мне. – Я трачу слишком много.

– А мне показалось, тебе было несложно их победить. – Какой-то инстинкт подталкивает меня сделать шаг назад.

– Сила расходуется вовсе не на атаку.

Дейтевиан увеличивает ширину и частоту шагов.

– А на что же тогда?

Он приближается ко мне и выглядит не менее угрожающе, чем пару минут назад.

– Просто дай мне больше силы.

Дейтевиан ровняется со мной. Раньше я доставала его до подбородка, а сейчас ниже плеч. Как такое возможно?!

– Хочешь питаться моей душой, тогда выкладывай!

У меня вдруг откуда не возьмись появляется смелость, и я старательно выпрямляю спину, чтобы хоть как-то создать видимость не такой большой разницы в росте.

– Чтобы скрыть свой истинный облик.

Какой облик? Он тоже превращается в чудище на подобие этих.

– Да, я тоже монстр. Но ты ведь знала это. – Он словно читает мысли, но скорее видит негодование на моём лице. – Ты наконец-то боишься. Это хорошо. – Он протягивает к лицу руку, но замечая потёртые следы, я наклоняюсь назад. – Да, точно.

Он усмехается, но впервые над собой. А сейчас берёт нижний край рубашки и вытирает руки. Но ткани не хватает, чтобы стереть кровавую грязь чуть ли не до закатанных рукавов, и тогда одним рывком обрывает несколько последних пуговиц снизу. Я наблюдаю за его движениями, рубашка задирается, и я вижу часть живота, но чего-то явно не хватает.

– Изучаешь меня? – Самодовольно спрашивает Дейтевиан.

– Нет! – Я быстро отворачиваюсь и заливаюсь краской.

– Ты внимательна сегодня. Я не целиком принял облик человека.

– Ты умеешь читать мысли?

Спрашиваю я и судорожно вспоминаю всё, о чём думала, когда была рядом с ним.

– Мне это не нужно, чтобы понять, о чём ты думаешь.

– Звучит не убедительно, – пытаюсь разрушить его ошибочную самонадеянность, но на самом деле я боюсь, что мои мысли слишком отчётливо выражаются на лице.

Я вновь смотрю на живот, состоящий из одних мышц. И как только до меня доходит, Дейтевиан опережает меня:

– Я решил, что вполне достаточно открытых внешних признаков, чтобы сойти за человека и не стал утруждаться такими деталями, как остаток физической связи ребёнка и родителя.

– То есть ты не родился?

Я хотела спросить немного иначе – «У тебя нет родителей? Нет семьи?» – но язык почему-то не повернулся.

– Я же не человек и не животное.

Даже не знаю, удивилась я или нет, но пищи для размышлений прибавилось.

Дейтевиан прекращает терзать рубашку, и я, задумавшись, не успеваю убрать голову, как он берёт меня за подбородок. Но я отпрыгиваю от демона. Я не могу преодолеть страх от нового Дейтевиана, которого видела недавно, хоть

я и догадывалась... Он прав, я знала, что он такой, просто не хотела признавать этого.

– Не трогай меня, пожалуйста.

– Я понимаю, что ты боишься меня, но я уже говорил, что мне очень нужна сила.

Я смотрю в пол и не знаю, что делать. Пальцы Дейтевиана касаются моей щеки, обжигая холодную кожу.

– Нет!

Я ударяю его по руке, как тогда при нашей второй встрече. И теперь я не отвожу взгляда, чтобы следить за всеми его движениями.

Сначала фиолетовые глаза немного расширяются, но тут же прищуриваются, а тонкие губы расплываются в пугающей улыбке.

– Тогда я, пожалуй, не откажу себе полакомиться дюжиной душ. – Дейтевиан кладёт указательный палец на губы, словно обдумывая, какое блюдо отужинать сегодня.

– То есть ты собираешься убивать людей?

– Когда я заберу их души, для их же блага будет, если они умрут.

Как же так? Он и правда может убить человека? На что я надеялась? Он же демон! Он с лёгкостью справился с собратьями, а люди для него не больше, чем просто еда. Его взгляд решителен.

– Хорошо.

Я чувствую, как нарастает дрожь, и мне её не унять. Но

я должна пересилить страх и неприязнь, иначе может случиться непоправимое.

Дейтевиан делает шаг, а я не выдерживаю и поворачиваюсь спиной. Выдох с усмешкой достигает меня, и становится окончательно противно. В прошлом окровавленные пальцы обхватывают мои руки именно там, где заканчиваются рукава футболки. Я поднимаю плечи и сковываю мышцы шеи, когда его дыхание проносится по затылку. Хорошо, что я не вижу его глаз, они для меня больше чем идеал, и я не хочу, чтобы они также потеряли свою особенность.

– Конечно, интереснее, когда ты упираешься, но так я не получаю должной силы. Прекрати закрываться!

– Пожалуйста, – умоляюще прошу я.

– Но у нас же договор. Я защитил тебя, и теперь хочу получить свою плату. И то, что к тебе никто не может прикасаться кроме меня – возбуждает.

Меня словно окатывает волна необъяснимого содрогания. Нет, нет! Он вовсе не имел в виду то, что я подумала. Просто эти «дозволенные исключительные прикосновения» позволяют ему потешить своё самолюбие, вот и всё. И очень кстати это заявление встряхивает и меня, и нарастает воля отстоять своё оставшееся достоинство.

– Что ты такое говоришь! – Хочу возмутиться, но дрожащий голос выдаёт моё волнение.

– Я говорю, что хочу прикасаться к тебе.

– Но ты же говорил, что тебе достаточно просто быть ря-

дом.

– Я соврал.

Ах, ты ещё и соврал!

– Согласна, что по договору взамен на защиту, я восполню твои силы. – Я выскальзываю из рук, что ослабили хватку. – Однако ты даже не дал мне возможности защититься самой.

– Ха! Ты считаешь, что справишься бы с ними. Даже с такой падалью, как они, у тебя не хватило бы силёнок.

– Теперь мы этого не узнаем. Так, что данная попытка не засчитывается.

– Да, ты нашла маленькую неубедительную лазейку. – Его хитрый взгляд сейчас явно превосходит мой. – Я соглашусь с подобной поправкой, если ты сможешь остановить меня.

– Да запросто! – Выпаливаю я.

Отлично, я отвлекла его внимание в определённом плане от себя и от людей. Правда, как действовать дальше, я не обдумала.

Дейтевиан отходит на дорогу и, скрестив руки на груди и выставив ногу вперёд, с интересом наблюдает за мной.

– Хорошо, я дам тебе фору. – Объявляет липовый джентльмен.

Я же никогда ещё глупее себя не чувствовала. Пробую закрыть глаза и сконцентрироваться, но не могу позволить себе неосторожность, и поэтому приходится стоять с одним приоткрытым глазом. Дышу ровно, и, кажется, впитываю в

себя энергию, а затем делаю резкий выпад вперёд.

– А я думал, что нелепее ты уже не можешь выглядеть.

И так тошно, а он вдобавок ещё издевается надо мной!

– Так и быть. – Дейтевиан закатывает глаза, будто собирается сделать одолжение. – Лис сказал, что ты очень рьяно защищает сестру. Как ты думаешь, может мне навеститься к ней?

– Не смей! Даже пальцем не вздумай её тронуть! – Я срываюсь на крик.

Она не заслуживает таких мучений, как я.

– Пожалуй, я не буду обращать внимание на твои жалкие угрозы и предпочту опробовать на вкус её пухлые губки.

Что-то кольнуло в груди, когда я представила, как он целует Иту. Неужели в такой ситуации я думаю о ревности, вместо того, чтобы защищать сестру. Я не хочу быть такой!

Дейтевиан исчезает.

– А ну вернись, проклятый демон! Иначе я тебе рога потшибаю!

– А с чего ты взяла, что у меня есть рога?

Мягкий голос для меня сейчас раздаётся словно гром. От внезапности я вздрагиваю, но стараюсь не показывать волнения.

– Ну, ты же демон, я подумала, у тебя они есть.

Дейтевиан смеётся. Я опять ляпнула глупость.

– Прекрати хохотать! – Я поворачиваюсь и ударяю его ладонью по торсу.

Дейтевиан перестаёт ухмыляться, и его блеск в глазах вновь приобретает хищнический настрой. Не такого эффекта я хотела достигнуть.

– Ты ещё за прошлый удар не расплатилась, а уже нанесишь новый.

Мне нельзя было смотреть в его глаза. Страх, злость – куда вы пропали? Вернитесь! Лучше я буду ненавидеть, чем осознавать, что меня безумно тянет к нему.

– Я победил. – Дейтевиан заковывает мои запястья в свои аккуратные пальцы. – Значит, я получу то, что хочу.

Он выше, чем обычно, запах металла окружает плотной оболочкой, а мои руки приподняты, но они бесполезны. Моё сердце должно колотиться от страха, но я знаю, что оно волнуется не по этому. Это он не двигается или время застыло на месте? Я смотрю в лиловую даль, и мне до них не дотянуться, и боюсь, что никогда не получится разгадать эти глаза. Я перевожу взгляд, когда слегка алые губы, вытягиваясь, становятся тоньше. Влечение без согласия с разумом заставляет меня приподняться и прижаться к нему. Почему сейчас? После того, что я видела, что он делал и даже, зная, что кроме как *еда* я для него ничего не значу, и, не смотря на всё ужасное и пугающее, мне невыносимо хочется почувствовать тепло его губ. Дейтевиан наклоняется мне навстречу. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди, но сможет ли он его поймать, я не уверена. Я всё сильнее чувствую жар от его крепких рук, что парализовали меня. Его губы всё бли-

же, и теперь я сама не могу остановить охватившее меня желание. Я закрываю глаза. Ожидание тянется слишком долго и мучительно. Я больше не выдерживаю и сама подаюсь вперёд.

Я ощущаю тёплую кожу, но не такую мягкую, как я ожидала.

– Ты что творишь?! – Оглушающе кричит он, а я чуть не падаю, но вовремя открываю глаза, чтобы удержать равновесие. – Ещё немного бы и!..

Светло-фиолетовые глаза широко открыты и ошарашенно смотрят на меня, а я вижу в них испуг. Дейтевиан может испугаться? Он стоит весь взъерошенный и держит ладонь на щеке близко от губ.

– А ты разве не собирался сделать тоже самое?

Пока я в шоке, что меня оттолкнули, но неловкость начинает проявляться всё отчётливее.

– Ты умереть захотела?

Что за реакция? Он что бережёт поцелуй для своей единственной, или я ему настолько противна?

– Ты бы меня убил, если бы я тебя поцеловала?

Вопрос смешон сам по себе, но зато я немного расслабляюсь и начинаю восстанавливать дыхание.

– Да.

Леденящая дрожь пробегает по телу, и я замираю. Он серъёзен как никогда.

– Демоны с помощью физического контакта, в том числе

поцелуя, скрепляют договор обязательствами. Но это те демоны, что занимаются выполнением желаний и через определённый срок забирают души, как плату. Я же другой демон. Я демон разрушения. Я просто забираю душу и не даю ничего взамен. Если я поцелую тебя, ты тут же умрёшь. Твоя душа и жизненная энергия послужит мне источником силы.

Как я и хотела, я узнаю о нём всё больше, но все эти откровения вовсе не радуют.

– И сколько душ ты уже съел таким образом?

– Неважно. Но я делал такие вещи, которые заставляют всех живых существ дрожать от страха, реагируя на меня как на приближение смерти. Ты можешь меня бояться и должна! Но знай, что я никогда не сделаю ничего подобного, никогда не заберу твою душу, не поцелую тебя.

Ужас смешался с ... досадой? Он говорит о таких важных вещах, а я думаю о том, что его губы никогда не прикоснутся к моим. Не зря меня считают ненормальной.

– То есть вместо того, чтобы убить меня быстро, ты собираешься мучить меня, высасывая жизнь постепенно, но всё же оставишь мою душу при мне.

– Именно так.

– Ты ужасен.

– Я знаю.

Ничего ты не знаешь! Я гораздо ужаснее тебя! Осознавать, что передо мной стоит беспощадное чудовище, зацикленное на смерти, но при этом стараться увидеть в нём про-

блеск милосердия и доброты – это высшая степень безрассудной надежды. Во всём виновато обилие лиловых оттенков.

Глава 8. Карие глаза, растапливающие бесстрастное сердце

Весь вечер я думала о его словах. Он убивал людей или делает это до сих пор. Но не хочет убивать меня, возможно, он всё же смог переступить через свою натуру.

И вдобавок неловко, что я пыталась его поцеловать, он-то всего лишь хотел наклониться, наверняка сказать какую-нибудь гадость, а я на него набросилась. Однако я теперь знаю, как его останавливать. Я злорадно потираю руки.

– Ты вынашиваешь коварный план?

– Ита? Ты давно здесь? – Я подпрыгиваю на кровати.

– Уже минут пять смотрю, как ты жестикулируешь.

Я встаю и с разбега прыгаю на разложенный диван, Ита в последнюю секунду успевает увернуться от моего приземления.

– Акерито руки не распускал? – Я делаю суровое лицо.

– Нет, что ты! Он такой любезный и тактичный. Никогда не встречала такого парня. И имя – такое загадочное и необычное.

Я знаю этот взгляд, улетающий в облака.

– Даже не строй никаких планов насчёт него. На самом деле он скоро уезжает.

– Что? Не может быть! – Ита внезапно садится. – Он ни-

чего такого не говорил.

– В любом случае будь осторожна, я не очень хорошо знаю его.

Особенно после того, что я узнала о другом демоне, этот может оказаться не менее кровожадным. Но в теме, что затрагивает парней, я не особо сильна, поэтому вряд ли Ита станет прислушиваться к моим советам. Приходится уповать на то, что мои слова всё-таки не пустой звук для неё.

Аппетита нет совсем, и не доев ужин, состряпанный Итой, хотя следует признать, он был весьма неплох, я возвращаюсь в комнату. Вспоминая произошедшее несколько часов назад, мне всё больше кажется это нереальным и в лучшем случае явлением из сна.

Сижу за столом и смотрю на солнце, что ещё не собирается ложиться спать. Нужно чем-то себя отвлечь. Я уже и забыла, когда последний раз рисовала. Это совершенно на меня не похоже, но в связи с обрушившимися на меня обстоятельствами было вовсе не до карандашей.

Что бы мне нарисовать? В голове крутится два сюжета. Но драки я и так постоянно рисую, и к тому же другая картинка гораздо отчётливее развивается в памяти. Чёрный карандаш сам выводит линии, делая набросок. И вот уже две фигуры как части одного целого тянутся друг к другу, ломая стереотипы и преграды. Но на самом деле между ними огромная пропасть, которую мне не хочется отображать, пусть её не будет хотя бы здесь, на придуманном рисунке.

– Что делаешь?

Я вздрагиваю и машинально закрываю эскиз. Я и так сидела, согнувшись буквой зю, чтобы кое-кто невидимый и внезапно появившийся не смог заглядывать мне через плечо, а теперь я совсем легла на стол.

– Мама, ты меня напугала!

До меня в скором времени доходит, что это был самый приятный и дорогой голос.

– Ты чего так испугалась? – Она садится на кровать.

– Вовсе нет! Просто я задумалась, и ты так неожиданно появилась. – Возмущаюсь я, сидя в пол-оборота.

– Да я же в дверь стучала, прежде чем войти. Ты в последнее время такая рассеянная.

– Я всегда такая. – Я встаю, чтобы пересесть поближе к маме.

– Ты влюбилась.

Я едва не промахиваюсь мимо кровати.

– Да, что вы обе привязались ко мне? Это не так!

– Ты можешь обманывать себя, но я-то вижу.

Зелёные глаза в крапинку смотрят на меня с умилением.

– Да, с чего вы это взяли? Ничего не изменилось!

– Ты изменилась. Твои глаза. Они светятся. Однако улыбаешься ты не так часто, как хотелось бы.

Неужели это правда? Зоркие глаза Иты и мамино сердце видят гораздо больше, чем я?

– Ну, и вдобавок ты никогда не рисовала картины о любви.

– О, вот это я понимаю основание так думать. – Не могу сдержаться иронии. Всё-таки заметили моё «произведение искусства». Но мамина улыбка, как успокоительное для души.

– Так кто он? Ты расскажешь?

– Я и сама толком не знаю.

– Ита сказала, что он высокий, красивый.

Ясно, кто зачинщик этого разговора.

– Да, и это одна из причин, почему я ему не подхожу.

– Но ты же тоже красавица.

– Ты так говоришь, потому ты моя мама.

– Глупышка!

Мама обнимает меня, и я зарываюсь в её кудрявые каштановые волосы.

– Почему ты не рассказывала про него? Иногда мне кажется, ты слишком напугана, это не из-за него случаем?

Мама, неужели по мне это так легко читается?

– Нет, он просто немного со странностями.

Должна же я хоть что-то сказать, к тому же врать маме – это невыносимо.

– Он что вампир?

Понятно в кого я.

– Мама, ну ты как скажешь! – Я смеюсь вслед за женщиной, у которой бурное воображение.

Хуже, мама, гораздо хуже.

– Всё хорошо, правда.

– Ты знаешь, я тебе доверяю. Но всё равно волнуюсь за

тебя и должна это говорить.

– Мама, прошу, только не начинай!

Неужели я снова должна выслушивать лекции про половое воспитание.

– Не переживай, в этом плане я никогда никого не интересовала, и он не исключение.

Или же я заблуждаюсь. Ведь он сегодня говорил довольно волнующие вещи, и этот его взгляд...

– Просто будь осторожна.

– Хорошо. Я люблю тебя, мам.

Я снова погружаюсь в родное и самое доброе тепло.

– И я тебя.

К предсказуемым расспросам сестры я уже была готова, поэтому ничего вытянуть из меня ей не удалось, предположительно, как и из Акерито, поэтому оставшееся время перед сном она просидела надувшись в обнимку с книжкой.

Не знаю, что это: или я схожу с ума, думая только о Дейтевиане, или я действительно чувствую пристальный надзор, ведь только на его взгляд моё тело реагирует особой дрожью. Втягивая воздух, я чую только ароматические свечи, что зажигала Ита, от которых мне хочется чихать. Но в любом случае сегодняшняя ночь не будет для меня мирной и спокойной.

Утро не задалось с самого начала. Ударилась о стул ногой, заехала сестре по лбу дверью, выходя из ванной, сожгла то-

сты, а ещё я сломала кран. Каким образом так никто и не понял, но залитую кухню водой мы наспех убрали всей троичей.

– Да, не повезёт сегодня Весте. – Говорит мама, тоже вся промокшая насквозь, как и не я.

Я кланяюсь тысячами извинений, но мама быстро вышвыривает меня из дома, чтобы я ещё чего не натворила.

Время ещё есть, я даже успела переодеться в сухую одежду, и поэтому могу идти на работу не спеша, главное никому не перебежать дорогу. Но в наушниках играет одна из моих любимых песен, которая никогда мне не надоест, сколько бы раз я её не слушала, она-то и сможет отвлечь меня.

Краем глаза замечаю чёрную тень по левую руку и глубоко вдыхаю. Да уж, этот аромат я точно ни с чем не спутаю. Но он как-то переменчив: то слегка витает в воздухе, то словно разъедает лёгкие.

Хм, он держит более дальнюю дистанцию, чем обычно, но я не вынимаю наушники и иду дальше, притворяясь, что не замечаю его. Ведь вчера он даже со мной толком не попрощался, а закинул во двор дома и исчез, не сказав ни слова.

Через тонкие провода, достигая моих ушей, мелодия пронзает меня словами, и я внезапно осознаю и нахожу объяснение тому, почему меня всегда притягивала эта песня¹. Я смотрю на фигуру, которая держится рядом со мной, и с каждым словом, что несёт глубокий смысл, я всё больше со-

¹ Песня “Demons” американской альтернативной рок группы Imagine Dragons.

дрогаюсь изумлением. Мне становится слегка жутко, что эти стихи обрамлѐнные музыкой отражают многое, происходящее сейчас в моей жизни. Но к счастью, не все слова совпадают с ним. Хотя смысл гораздо глубже, для меня теперь они звучат буквально. И для каждого существуют свои демоны, с которыми справиться очень трудно и совладать с ними можем только мы сами. Мой же демон во плоти идёт со мной и как далеко он уведѐт меня, я не знаю.

Мы проходим по мосту, ветер взъерошивает его волосы всё равно яркие и наполненные чѐрной густотой даже без лучей закрытого облаками солнца. И я не отрываюсь от него, пока песня не заканчивается.

– Может, потому что ты слушаешь рок, ты такая неуравновешенная.

Вдруг заговаривает Дейтевиан, попадая точно в паузу между песнями.

– Я? Я вообще иду молча! – Отключаю плеер. – И это предрассудки. А вообще мне нравится разная музыка, просто предпочтение я отдаю року, поп-року, альтернативному-року, инди-року...

– Хорошо-хорошо, я понял.

– А рок разве не музыка дьявола?

– Это предрассудки.

Он наконец-то улыбается, и внутри мне становится удивительно тепло.

– А ты разбираешься в человеческой музыке.

– Это Акерито постоянно притаскивает что ни попадя из мира людей.

– Но тебе ведь всё-таки нравится музыка? Хоть какая-нибудь?

– Мелодия хруста костей и льющейся крови. – Я уже хочу испугаться, но замечаю его задиристо ухмыляющиеся губы. – Ты ведь так подумала.

– Вовсе нет. Я спросила без задней мысли, а ты отвечаешь мне такими ужасными вещами. Специально хочешь напугать меня?

– Да. – Улыбка пропадает с его лица.

– Зачем?

– Чтобы ты быстрее меня возненавидела.

– Зачем?

Дейтевиан гневно вздыхает, раздражаясь тем, что я не понимаю.

– Чтобы легче было тебя съесть!

Чудесно, сегодня точно не мой день. Не могу ничего выдать из себя, чтобы развеять разгромную атмосферу.

До самого магазина мы молчим, и только на крыльце у меня хватает смелости заговорить с ним. Но обернувшись, не застаю Дейтевиана, который начинает меня бесить своими внезапными и бестактными исчезновениями.

Как только вижу Весту, сразу прошу у неё прощения за вчерашний прогул и предупреждаю, что хрупкого и ценного мне сегодня лучше не давать. У меня всегда что-нибудь

да валится из рук, но бывают такие дни, в которых фортуна словно обижается на меня и совсем не хочет сотрудничать, и такие дни я называю «время апокалипсиса». Немного пафосно, но это единственное словосочетание, которое отражает суть проблемы. И обязательно в такие дни происходит что-либо важное или опасное. Вот, например, сейчас, именно сегодня, мне нужно взобраться по лестнице. В магазине закончились запасы корма, а клиенту срочно понадобилась именно определённая марка продукта, и лежат запасы естественно на самой верхней полке склада. Интересно, кто додумался засунуть туда огромный мешок? Не забывая, какой сегодня день, я опасно думаю о предстоящем скалолазании. Лучше бы мне сегодня оставаться на твёрдой части биосферы, но не могу же я женщину старше себя заставить взбираться по лестнице.

Высота небольшая, но на вершине раскладной лестницы, я чувствую себя как на небольшом уступе, торчащим над пропастью, у которой не видно пределов. Пока всё хорошо, и мне удаётся удобно взяться за пакет, и теперь я более уверенно тяну его на себя. Половина мешка уже в моих руках, и я с большим энтузиазмом выдёргиваю с полки его весь. Но тут я начинаю понимать, что меня тянет назад. Он оказался тяжелее, чем я рассчитывала, и вдобавок моё и так никчёмное равновесие подводит меня. Обняв мешок, я лечу вниз как в замедленной съёмке, однако что-либо предпринять всё равно не успею. Уже предчувствую удар, приходящийся на

спину. Вот сейчас...

Хм... Я уже должна была с грохотом приземлиться, но вместо этого сначала чувствую невесомость, а затем устойчивое тепло под коленями и спиной – меня поймали сильные руки. И я догадываюсь, кому принадлежат эти руки.

Даже не хочется открывать глаза, не знаю почему. И мне кажется, что я до сих пор лечу, но меня уже не охватывает страх падения с обрыва. Меня словно одурманивает жар, исходящий от него, и я хочу ещё сильнее погрузиться в эту бездну. Его аромат будоражит моё сознание, вызывая смешанные чувства. Я улавливаю два запаха всегда сопровождающие его: металл и кровь. Но сейчас совсем на миг мне чудится что-то третье.

Проходит секунда, и я уже стою. И не успеваю разглядеть что-либо, как снова припадаю к полу – колени подогнулись, и расслабившееся тело не выдерживает веса пакета.

– Ты не представляешь, как я зол.

Голос Дейтевиана на самом деле грозный, и в нём ни капельки не слышится даже насмешки.

– Почему?

Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на лицо, может хоть оно выражает иное отношение. Но его суровость и пронзительный тёмно-фиолетовый взгляд просто раздавливает моё предположение.

– Спасибо!

С опозданием кричу я вслед, но Дейтевиан исчезает рань-

ше, чем моя благодарность могла бы достигнуть его ушей. Снова толком ничего не сказал, и я всё отчётливее замечаю его отторжение от меня.

Веста уже собиралась отругать меня за мою нерасторопность, но видимо заметив далёкий и растерянный вид, решила повременить с выговором. А я всё думаю, как бы узнать, в чём дело при этом, не разозлив его. Моё нетерпение проявляется в суетливости, из-за чего всё стало вываливаться из рук с большей частотой. Но сегодня меня точно не отпустят раньше, тем более неделя только началась, народ нехотя просыпается и всё прибывает и прибывает.

Долгий травмоопасный рабочий день подходит к концу. Мне хочется поскорее уйти, но я продолжаю перекладывать товар с места на место – это значит, я всё-таки боюсь увидеть его, точнее его дикое пугающее выражение лица. Но сегодня все стараются избавиться от моего невезения поскорее и, выпроводив меня из магазина, Веста идёт собирать разбросанные резиновые мячики.

Пора завязывать распускать сопли, и уже начать учиться пользоваться «сокрытой во мне силой», а то иди и гадай: он невидим и где-то поблизости, или я просто самонадеянно полагаю, что он всегда рядом. И всё же появился он в магазине вовремя, иначе меня можно было бы собирать по кусочкам. Следовательно, он видел, как я падала, и возможно сейчас он тоже скрытно наблюдает за мной. Как бы это выяснить?

Я перехожу дорогу, но уже ступая на пешеходный переход, понимаю, что забыла что-то сделать. Гудок оглушает слева, испуг пронзает окоченением и не даёт мне сдвинуться с места. Но меня оттягивает назад и машина пронесётся в паре сантиметров от взметнувшихся ног кверху.

– Ты специально это делаешь?

Яростный голос выводит меня из состояния критического анабиоза. И я осознаю, что стою не на проезжей части, а моя футболка задралась от того, что её мёртвой хваткой потянули за воротник. Окружающая атмосфера тоже приобретает привычный вид, и я слышу, как из отдаляющейся машины что-то посылаётся в мой адрес.

– Что делаю?

Переспрашиваю я, окончательно придя в себя. И даже радуюсь тому, что объявился Дейтевиан. Всё произошло само собой, и придумывать ничего не пришлось. Но отчаянная злость, пылающая в его глазах, заставляет меня думать, что лучше бы он оставался невидимым.

От скрипа тормозов я вновь цепенею, но оборвавшийся высокий лай пугает меня сильнее. Я оборачиваюсь и вижу, как ещё едет машина по противоположной стороне дороги. Она видимо летела с такой скоростью, что тормозной путь её длится до сих пор. Красные следы цепляют мой взгляд, и я двигаюсь по кровавой дорожке. Она тянется долго, но когда я достигаю взглядом изувеченное тело, то всё плывёт перед глазами, а внутри и снаружи начинает колотить. Но я не дам

ужасу взять надо мной верх.

– Стой!

Кричит Дейтевиан мне вслед, но я уже бегу поперёк дороги. Все машины притормаживают, а прохожие стоят, как и я первоначально, в шоковом состоянии.

Я добегаю до собаки, но к ней даже не подойти: повсюду кровь, и она растекается, быстро охватывая участок дороги. Нет, не собаку должны были сбить сегодня! Слышу, как она дышит с большим трудом, временами поскуливая. Я падаю в лужу крови. Теперь я вижу источник кровотечения. Но как образовалась такая рана? Я быстро снимаю футболку, оставаясь в коротком топе, и зажимаю глубокий порез на брюхе. Серая с окровавлено-светлыми пятнами собака дёргается, но сил на что-то большее ей не хватает.

– Проклятая шавка, бросилась прямо под колёса!

Из недалеко остановившегося автомобиля вылезает молодой коренастый парень, но он не идёт к собаке, а осматривает капот своей навороченной тёмного цвета тачки.

Я подавляю огромное желание подойти и врезать этому жестокому человеку, ведь если я перестану прижимать рану, кровотечение вновь усилится.

– Ну, что там? Жива она? А то мне ехать надо!

Мой гнев и ненависть просто переполняют меня. Я готова прибить его прямо здесь и сейчас.

– Заткнись, бессердечный ублюдок! Из-за тебя может погибнуть невинное существо! А ты беспокоишься только о

своей тачке вместо того, чтобы помочь!

Этот не человек ошарашенно уставился на меня, но теперь его лицо искажается ядовитой надменностью, и он направляется ко мне и собаке.

– Слышь, ты совсем...

– Отошёл.

Дейтевиан возникает из ниоткуда между нами и парнем, но это была вовсе не телепортация, а его пугающая скорость. И я никогда не слышала, чтобы не таким уж и ужасным словом можно было передать всю суть настоящего намерения, означающего «Убью!».

Оказывается, это расслышала не только я, если даже у безжалостного парня округлились глаза и затряслись поджилки. Но думаю, здесь ещё замешен и фирменный взгляд убийцы. Но чтобы там ни было, жестокий трусливый парень мигом прыгает в автомобиль и уезжает.

Он сотворил такое и теперь окажется безнаказанным! Есть хоть в этом мире справедливость?

– Да, я сфотографировал его номер машины! Никуда не денется!

Я с облегчением вздыхаю, услышав заявление из толпы. Есть ещё надежда на мир.

– Пойдём. Это бесполезно. – С лицом, ничего не выражающим, произносит Дейтевиан.

– Не говори так! И не будь как он! – Моё взвинченное состояние не может утихомириться. – Может можно восполь-

зоваться тем кремом, что ты мне дал.

– Он не поможет.

– Ну, тогда ещё чем-нибудь! – Слёзы наворачиваются на глаза.

– Бесполезно.

– Ничего не может быть бесполезным, если есть хоть один шанс на спасение!

Дейтевиан меняется в лице, но мне сейчас не до того, чтобы распознавать его эмоции.

– Прошу помощи.

– Отойди.

Дейтевиан подходит ближе и садится на корточки. Я же вскакиваю, чтобы не мешать. Но как только Дейтевиан касается шерсти, собака хватается за руку. Мой вскрик перекрывают возгласы из толпы. Я оглядываюсь по сторонам: люди всё также, собравшиеся в кучку за краем проезжей части, наблюдают за нами, но теперь им просто любопытно, что же будет дальше, а в их глазах я вижу недопонимание. На их месте я бы тоже была в негодовании от странных разговоров и вообще ситуации в целом.

– Отпусти.

Настойчиво, но совсем не грубо говорит Дейтевиан собаке, смотря прямо в одновременно испуганные и свирепые карие глаза. Я же не могу понять, откуда у неё взялись силы сделать выпад, а тем более на такой яростный укус. Собака ещё борется, не желая подпускать незнакомца в чёрном. И

всё же сопротивление оказалось не долгим, она без сил отпускает руку.

Дейтевиан тут же встаёт, взяв собаку на руки, и быстро уходит. Я следую за ним. Позади слышу оживление, но мне вовсе не важно, что там происходит. Я спешу за широкими шагами, пересекающими дорогу, и ужасно нервничаю, но чтобы как-то отвлечься перевожу тревогу на Дейтевиана.

– Как твоя рука? – спрашиваю я, вытягиваясь вперёд, чтобы посмотреть. – Из чего у тебя кожа?

На руке ни следа! Я прокручиваю ситуацию в голове, вспоминая, в эту ли руку вонзились крупные, в особенности клыки, зубы.

– Такие челюсти мне нестрашны.

– Да тебе вообще ничего не страшно, и что не боишься ничего, это я тоже уже поняла. Но мог же просто руку убрать с твоей-то реакцией.

Но комментирует он меня только усмешкой.

– Почему образовалась такая резаная рана?

– Рана уже была, а после столкновения она ещё больше открылась.

Да уж, он точно специалист по всевозможным увечьям.

– Куда мы идём?

– Туда, где нет людей.

Мы добираемся до нужного места. И я не успеваю, сообразить, как уже стою в своей комнате. Голова продолжает кружиться, а я замечаю, как Дейтевиан направляется к двери.

– Ты куда?

– Нужна вода.

– Зачем?

Но он мне не отвечает и выходит из комнаты. Восстановив равновесие, я бегу за ним. Дверь в ванную комнату открыта, я залетаю туда и чуть не наступаю на собаку. Он лежит на плитке, еле дыша, с трудом умещаясь в заставленные предметами габариты комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.